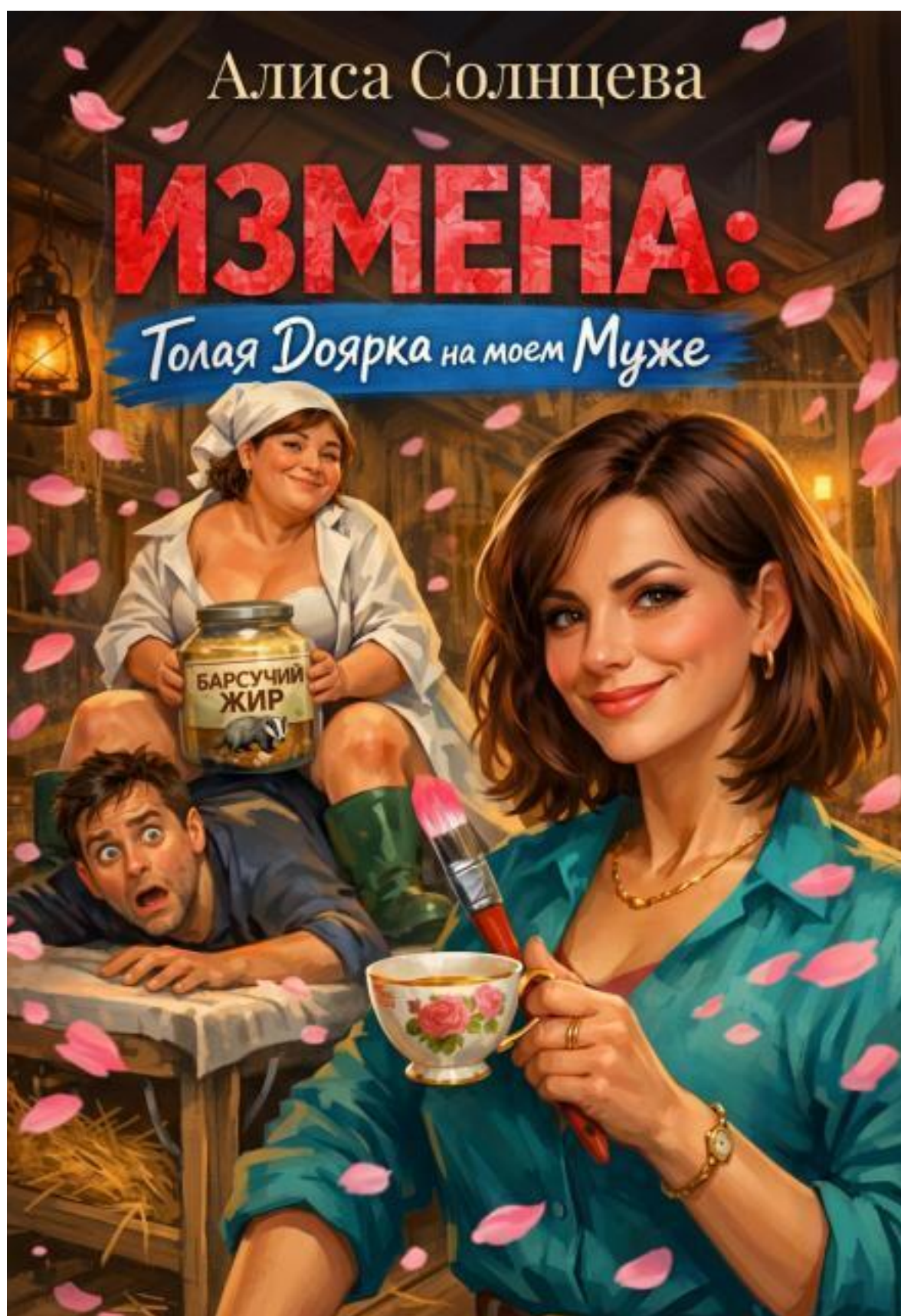

Алиса Солнцева

ИЗМЕНА:

Толая Доярка на моем Муже

Алиса Солнцева

**Измена: Голая
Доярка на моем Муже**

«Литнет»

2026

Солнцева А.

Измена: Голая Доярка на моем Муже / А. Солнцева — «Литнет», 2026

- Аля, не делай мне мозги! Это исключительно народная медицина от радикулита! - с лицом оскорбленного академика заявил мой муж.Его совершенно не смущало, что прямо сейчас на его пояснице восседала абсолютно голая (если не считать резиновых сапог 40-го размера) доярка Лена-Кикимора и усердно втирала в него вонючий барсучий жир.Я несла мужу на ночную смену горячие пирожки с капустой, а в итоге поняла, что мой десятилетний брак превратился в кучу навоза. Муж-изменник виноватым себя не считает и съезжать из общей квартиры отказывается: «Я тут ламинат клал!».Ну что ж, Игорек, ты сам напросился. Я перегородила нашу «двушку» демаркационной линией из красной изоленты и объявила бытовую войну на уничтожение. Ты мне — амбарный замок на холодильник? Я тебе — декупаж из розовых пионов на твой любимый ящик для зимней рыбалки!Я всю жизнь пыталась заклеить красивыми салфетками трещины в нашем браке. Но на гнилое дерево прованс не ложится. Пора сдирать старый лак. Тем более, когда рядом появляется мужчина, который пахнет сандалом, а не перегаром, и готов показать мне, чего я стою на самом деле.В тексте есть: ✓# Неунывающая героиня, которая плачет только от смеха и запаха растворителя ✓# Измена мужа (без прощения!) и абсурдная, но очень смешная квартирная война ✓# Настоящий, адекватный мужчина (не клишированный властный миллиардер, а партнер) ✓# Ирония, сельский колорит и бабки у подъезда со скоростью передачи данных 5G ✓# Обязательный Хэппи-Энд (но не для бывшего!)

© Солнцева А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Барсучий жир и крах семейных ценностей	6
Глава 2. Синдром прописки и демаркационная линия	11
Глава 3. Завтрак на минном поле	16
Глава 4. Васюковская нейросеть ловит сигнал	20
Глава 5. Мужик сказал - мужик сварил борщ (Игорь)	24
Глава 6. Прованские пионы на зимней рыбалке	28
Глава 7. Сахарный чай и крик раненого марала	32
Глава 8. Чаепитие на линии фронта	36
Глава 9. Тайный агент с разводным ключом	41
Глава 10. Явление Кикиморы народу	44
Глава 11. Амбарный замок на докторской колбасе	47
Глава 12. Человек с запахом сандала и ножовка	50
Глава 13. Запах сандала на руинах кухни	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Глава 1. Барсучий жир и крах семейных ценностей

Если бы кто-то спросил меня, сколько именно весит среднестатистический брак на десятом году жизни, я бы ответила с абсолютной бухгалтерской точностью. Один килограмм двести граммов.

Триста граммов металла, двести граммов пластика, пол-литра ромашкового кипятка и три свежеспеченных пирожка. Именно столько весил пузатый термос с чаем и пищевой контейнер, заботливо укутанный в кухонное полотенце в мелкий красный горошек.

Я перла этот груз в час ночи через половину деревни, чувствуя себя попеременно то героической женой декабриста, то круглой идиоткой. В свои тридцать девять лет я, главный бухгалтер нашего сельского совета, женщина с высшим экономическим образованием и неплохим вкусом, вела себя как влюбленная Пэтти из дешевого американского кино.

Я лепила эти пирожки два часа. Использовала фермерскую муку высшего сорта, отборные яйца от несущек тети Зины и банку бабушкиной квашеной капусты, которую берегла для особого случая. Я вымешивала тесто так старательно, будто от его пышности зависела моя дальнейшая судьба. В моем арсенале "хорошей жены" всегда было всё: наваристые борщи на мозговой косточке, выглаженные воротнички рубаш, понимающее молчание во время трансляций Лиги чемпионов и умение закрывать глаза на мелкие мужские недостатки.

Последнее время мой Игорек стал каким-то колючим, отстраненным. Раздражался по мелочам. Я, как женщина начитанная, списывала это на пресловутый кризис седьмого года, который из-за нашей общей деревенской инертности просто запоздал на три года. На усталость. На магнитные бури.

И когда сегодня за ужином он сдвинул брови с видом спасителя человечества и заявил, что остается в ночную смену - лечить приболевшего теленка, во мне проснулся генетический код спасательницы. Я решила, что вот он - шанс проявить заботу. Уложила нашу пятилетнюю дочку Феню спать, накрыла ее одеялом, поцеловала в пухлую щеку и пошла спасать мужа от голодного обморока.

Наше Васюково спало крепким, непробудным сном честного агропромышленного комплекса. Старые советские двухэтажки из силикатного кирпича сливались с темнотой. В их тонких стенах, где обычно слышно, как сосед снизу размешивает сахар в чае, сейчас царила абсолютная тишина. Лавочка у моего подъезда пустовала - сестры Бородкины, наша местная радиолокационная "Нейросеть", находились в спящем режиме, накапливая оперативную память до утра.

Только где-то вдалеке лениво брехала собака, да мои беговые кроссовки тихо чавкали по влажному после вечернего дождя асфальту.

Я вообще люблю всё облагораживать. Это моя карма. Мое главное хобби - декупаж. Это такое искусство красивого обмана. Ты берешь старую, обшарпанную советскую табуретку, берешь наждачную бумагу с зернистостью Р120, сдираешь вековую грязь, наносишь грунтовку. Затем аккуратно наклеиваешь сверху изящную салфетку с французскими пионами, заливаешь всё это тремя слоями дорогого акрилового лака Tikkurila - и вуаля! Никто и не догадается, что под стильным провансом прячется трухлявая, готовая развалиться ДСП.

Мне искренне казалось, что с браком это тоже работает. Принеси мужу в ночную смену горячих пирожков, улыбнись, заклей трещину в отношениях заботой - и мы снова счастливая семья. Ага. Сейчас.

Я подошла к новому коровнику. Центральное здание "АгроХолдинга" сияло в ночи, как инопланетный космический корабль, случайно приземлившийся посреди картофельных полей. Новенький бежевый сайдинг, пластиковые окна, камеры видеонаблюдения. Инвесторы

из области вбухали сюда столько денег, что коровы жили лучше, чем половина васюковских пенсионеров.

Территория фермы встретила меня запахом свежего сена, дорогих химических дезинфекторов и... классической музыкой.

Да, наши васюковские коровы слушали Моцарта. Кто-то из начальства вычитал в модном журнале, что "Маленькая ночная серенада" повышает надои на пятнадцать процентов. Поэтому из скрытых динамиков под потолком круглосуточно лились нежные скрипичные переливы. Контраст между навозом на заднем дворе и высокими нотами австрийского гения был потрясающим.

Я тихонько потянула на себя тяжелую металлическую дверь и скользнула внутрь. В нос сразу ударил теплый, влажный воздух. Вдоль длинного коридора, выложенного идеальной белой кафельной плиткой, мерцали дежурные лампы. Никакой грязи по колено, никаких сломанных вил в углу. Чистота, как в операционной.

Я шла на цыпочках, стараясь не шуршать пакетом. Мой воспаленный женский мозг уже монтировал голливудскую мелодраму.

Вот я сейчас открою дверь подсобного помещения. Мой Игорек сидит за столом, склонившись над ветеринарным справочником. Глаза красные от усталости, на лбу глубокая морщинка мужской ответственности. Мужик-монолит, сорок два года, старший скотник-механизатор. Он поднимет взгляд, увидит меня. Его суровое лицо озарится теплой улыбкой. Он скажет: "Алечка, ну зачем ты по ночам ходишь, я бы и сам перебился". А я достану еще дымящиеся пирожки, налью ему горячего чая в крышку, и мы будем смотреть друг на друга влюбленными глазами.

Дверь с пластиковой табличкой "Подсобное помещение" была приоткрыта. Из щели падал узкий луч желтоватого света. Музыка здесь звучала чуть тише, уступая место какому-то странному, ритмичному звуку.

Скрип-скрип. Скрип-скрип.

Как будто кто-то с усилием тер толстую резину о линолеум.

Я перехватила термос поудобнее, нацепила на лицо самую нежную улыбку из своего арсенала и толкнула дверь плечом.

Улыбка сползла с моего лица и с тихим звоном разбилась о кафельный пол. Вместе с ней на пол полетел и термос. Он выскользнул из ослабевших пальцев. От звонкого удара о плитку дешевая пластиковая крышка отскочила в сторону, клапан приоткрылся, и металлическая колба покатилась прямо к ножкам кушетки. За ней потянулся парящий ручеек горячего ромашкового чая.

Контейнер с пирожками я чудом удержала в онемевших руках.

Я вообще на несколько секунд забыла, как дышать.

Прямо по центру тесной подсобки стояла стандартная медицинская кушетка, обитая потертым дерматином. На ней, уткнувшись носом в сложенное вдвое махровое полотенце, лежал мой муж. Лежал лицом вниз. Абсолютно голый. Его загорелая по линию футболки шея контрастировала с бледной спиной.

Но это была лишь половина картины, давшая трещину в моем мироздании.

Сверху на поясище Игорька, скрестив ноги по-турецки, восседала Лена Титыкова. Наша местная оператор машинного доения высшей категории. Женщина сорока пяти лет, широкая в кости, с тяжелым взглядом и пудовыми кулаками. В народе - просто Кикимора.

На Лене не было синего рабочего халата. На Лене не было хлопковых парашютов фабрики "Большевичка". На Лене вообще ничего не было, если не считать огромных, черных рези-

новых сапог сорокового размера, которые упирались своими массивными рифлеными подошвами в бока моего мужа. Ее добротная спина лоснилась от пота. Обвисшая грудь ритмично покачивалась в такт энергичным движениям. Левый сапог был слегка испачкан засохшей глиной, а на правом я даже разглядела желтый ценник из сельпо - сапоги были совсем новые.

И запах. Боже, этот запах.

Сладковатый аромат горячей сдобы, пробивающийся сквозь кухонное полотенце, запах ванили от моих рук, тонкие ноты скрипок Моцарта - всё это было мгновенно сожрано, уничтожено, растоптано ядреным амбре барсучьего жира.

Он вонял так, словно стая диких барсуков месяц бегала по тридцатиградусной жаре, потом умерла, разложилась на солнце, а затем была переработана в мазь. Смесь старого сала, немытой собаки и чего-то неуловимо первобытного.

Лена своими красными крестьянскими руками с остервенением втирала эту жирную желтоватую субстанцию в спину Игорька. Скрип-скрип. Сапоги терлись о дерматин кушетки. Скрип-скрип.

Я стояла в дверях, судорожно прижимая к груди контейнер в горошек. В дешевых турецких сериалах, которые так любит смотреть Кикимора, в этот момент жена должна выронить всё из рук, схватиться за щеки, закричать дурным голосом и броситься таскать разлучницу за волосы.

Но я стояла молча. Мой внутренний бухгалтер сейчас пытался свести дебет с кредитом, и в голове мигали красные лампочки: "Ошибка транзакции". Как голая баба в сапогах соотносится с больным теленком? По какой статье расходов списывать этот сюрреализм?

Грохот упавшего термоса всё-таки нарушил их идиллию. Игорек нехотя приподнял голову от полотенца. Его лицо было красным, помятым, но на нем не было ни капли ужаса. Ни тени раскаяния или стыда. Он не подскочил, не попытался прикрыть свое мужское достоинство, не начал лепетать нелепые оправдания про то, что я всё не так поняла.

Он посмотрел на меня с таким искренним раздражением, словно я переключила телевизор на самом интересном моменте футбольного матча.

- Аля, ну че ты стоишь тут с круглыми глазами? - выдал мой законный супруг тоном оскорбленного академика, которому мешают проводить важнейший научный эксперимент. - Не делай мне мозги, а?

Я моргнула. Один раз. Второй. Мой мозг отказывался обрабатывать эту реплику.

- Игорь... - мой голос прозвучал сухо, как прошлогодний камыш на ветру. - А что, простите, здесь происходит?

- Лечимся мы! - рявкнул он, пыхтя и стараясь не делать резких движений. - Это исключительно процедура народной медицины! Меня радикулит скрутил на смене, так что разогнуться не мог. Вот, Ленка спину спасает. Растирание делает. Медицинский факт, между прочим!

Я медленно перевела взгляд на "лечащего врача".

Лена-Кикимора даже не подумала слезть с моего мужа. Она перестала массировать, тяжело оперлась мощными руками в его лопатки и флегматично посмотрела на меня из-под нависшей сальной челки. На ее лице не дрогнул ни один мускул.

- А разделась ты зачем, стесняюсь спросить? - поинтересовалась я, чувствуя, как внутри меня вместо истерики начинает подниматься холодный, кристально чистый, освобождающий сюрреализм происходящего. - Для лучшего энергетического контакта с пациентом?

Лена шмыгнула носом, почесала переносицу плечом и ответила своим ровным густым басом:

- А че такова? Жир-то вон какой едучий, хрен отстираешь потом. Казенный халат испачкаю - завхоз с зарплаты стоимость вычтет. Спецдежду беречь надо, Алла. Она нынче дорогая.

Логика была железной. Бронебойной. Возразить против трепетной заботы о казенном имуществе "АгроХолдинга" было решительно нечего.

Я смотрела на них двоих. На этого мужика, которому я десять лет стирала вещи, выглаживала рубашки, лепила пельмени вручную. Который искренне верил, что приносить зарплату и раз в полгода чинить бачок унитаза - это и есть прочный фундамент семейного счастья. И на эту прямолинейную женщину, которой было абсолютно плевать на эстетику, на мораль, на мои тонкие душевные организации. Ей просто нужно было сохранить халат чистым, пока она развлекается с чужим мужем.

Мой идеальный брак оказался старой, тухлявой табуреткой. И никакая салфетка с розовыми пионами, никакой дорогой финский лак больше не могли удержать эту жалкую конструкцию от распада. Все эти годы я клеила декупаж не на ту мебель.

В подсобке повисла тяжелая пауза. Из коридора доносился Моцарт, перешедший к бодрому аллегро и радостно празднующий смерть моих иллюзий. Игорь кряхтя повернул голову обратно на полотенце.

- Ну, ты пирожки-то поставь, - буркнул он в махровую ткань. - И иди домой, Аля. Не мешай процедуре. Сквозняк от тебя.

Я не стала швырять пластиковый контейнер ему в голову. Не стала опрокидывать банку с барсучьим жиром на пол. Мои руки двигались четко и механически, как у идеально настроенного робота на сборочной линии.

Я сделала два шага вперед. Аккуратно, чтобы не испачкать кухонное полотенце в красный горошек, поставила еще теплый пластиковый контейнер на краешек металлического столика. Прямо рядом с пузатой банкой из-под соленых огурцов, в которой плескалась вонючая мазь.

- Приятного аппетита, - сказала я очень спокойным, ровным голосом. Таким тоном я обычно сообщала председателю сельсовета о нехватке бюджета на ремонт дорог. - Только ты поосторожнее с этой народной медициной, Игорек.

- Чего это? - глухо отозвался муж, пока Лена снова начала с силой втирать жир в его многострадальную поясницу. Скрип-скрип.

- От барсучьего жира иногда рога прорастают, - ответила я, глядя на новые резиновые сапоги доярки. - Физиология, знаешь ли. Непредсказуемая вещь.

Я развернулась на пятках своих кроссовок и пошла к выходу. Не оборачиваясь, перешагнула через лужу остывающего ромашкового чая, обогнула валяющуюся на полу металлическую колбу.

Вышла в ярко освещенный коридор и плотно прикрыла за собой тяжелую дверь. Замок сухо щелкнул.

Этот тихий металлический звук показался мне самым громким за всю мою жизнь. Громче свадебного марша Мендельсона. Громче крика акушерки, когда родилась Феня.

Я вышла на улицу. Холодный ночной воздух ударил в лицо, забираясь под ветровку и мгновенно выветривая из легких запах животного пота.

Где-то в темноте продолжало спать мое родное Васюково. Впереди меня ждала типовая кирпичная двухэтажка, сорок два квадратных метра моей личной территории. Мои отреставрированные комоды, мои вышитые крестиком подушечки и спящая в детской дочка.

Я посмотрела на свои пустые руки. Они больше не пахли ванилью и тестом. В голове царил абсолютная, звенящая пустота, в которой сейчас пульсировала только одна, пугающе четкая мысль.

Мне нужно было срочно зайти в домашнюю кладовку и найти там моток красной изо-ленты. Желательно, самой широкой. И канцелярский нож. Потому что с этой минуты в моей квартире начиналась совершенно другая история.

Глава 2. Синдром прописки и демаркационная линия

Любой толковый бухгалтер знает непреложное правило: как только новое имущество вводится в эксплуатацию, оно мгновенно начинает терять в цене. Это называется амортизацией. Физический и моральный износ.

Десять лет назад я торжественно ввела в эксплуатацию Игоря Вернова. Тогда он казался мне высоколиквидным активом: не пьет запоями, руки золотые, взгляд прямой, плечи широкие. Надежная инвестиция в светлое семейное будущее.

Сегодня ночью, примерно в половине второго, я опытным путем выяснила, что если этот актив обильно смазать вонючим барсучьим жиром и придавить сверху голой дояркой в резиновых сапогах, его остаточная стоимость стремительно падает до нуля. Имущество признается бракованным и подлежит немедленному списанию с баланса предприятия под названием «Семья».

Убрав в шкаф уличную ветровку, в которой ходила на ферму, и сменив влажные кроссовки на домашние брюки и мягкие тапочки, я стояла посреди нашей тускло освещенной прихожей. Я не плакала. Я методично проводила инвентаризацию.

У моих ног покоился старый, неубиваемый советский чемодан из коричневого дерматина. Он достался Игорю еще от отца и весил сам по себе килограммов пять. Жесткий, угловатый, с металлическими защелками, которые клацали, как гильотина. В отличие от моих шкапулок с декупажем, этот чемодан невозможно было облагородить. Он был квинтэссенцией суровой мужской реальности. Идеальная тара для возврата бракованного товара.

Я действовала предельно тихо. На цыпочках курсировала между детской, где в своей кровати сладко сопела пятилетняя Феня, и коридором. Детский сон - субстанция хрупкая. Мой разрушенный брак явно не стоил того, чтобы ребенок проснулся посреди ночи от грохота ящиков.

В недра дерматинового монстра отправлялись базовые комплектующие старшего скотника. Любимые серые треники с пузырями на коленях, в которых Игорь смотрел Лигу чемпионов. Стопка футболок с растянутыми воротами. Три пары носков, чья резинка давно утратила волю к жизни. Парадная рубашка в мелкую клетку. Кожанный ремень с массивной пряжкой. Его любимая кружка с надписью «Царь, просто царь», которую я подарила ему на двадцать третье февраля в приступе необъяснимого оптимизма. Бритвенный станок, пена и наполовину выдавленный тюбик зубной пасты.

Десять лет совместной жизни. Триста шестьдесят пять дней в году, умноженные на десять. Борщи, выглаженные воротнички, совместные походы в сельпо за обоями, радость от покупки нового телевизора, покупка Фениной коляски, ночные разговоры на кухне. Все это сейчас сжималось, прессовалось и утрамбовывалось в дерматиновый прямоугольник размером шестьдесят на сорок сантиметров.

Я защелкнула металлические замки. Клац. Клац. Два сухих выстрела контрольного списания.

Ухватив чемодан за потертую пластиковую ручку, я выкатила его на лестничную клетку нашего второго этажа. Поставила ровно по центру коврика с жизнерадостной надписью «Welcome». Закрыла за собой дверь, повернула собачку замка, прислонилась спиной к прохладному металлу и стала ждать.

В квартире стояла звенящая тишина. Пахло моими саше с сушеной лавандой, которые я заботливо раскладывала по всем углам, чтобы перебить вечный запах сырости из подвала. Тикали настенные часы на кухне. Два часа ночи. Двенадцать минут третьего. Двадцать.

В два часа двадцать пять минут на лестничной площадке тяжело забухали шаги.

Игорек возвращался в родную гавань.

Раздался глухой звук удара - видимо, муж в темноте споткнулся о свой же чемодан. Затем в замочной скважине нервно заскрежетал ключ. Дверь распахнулась, толкнув меня в спину. Я сделала шаг в сторону.

На пороге стоял мой законный супруг. В одной руке он сжимал ручку дерматинового чемодана, который агрессивно задвигал ботинком в прихожую. Лицо Игоря было красным, помятым, а взгляд выражал крайнюю степень возмущения несправедливостью мироустройства.

Но главным было не его лицо. Главным был запах.

Это была настоящая газовая атака. Видимо, осознав масштаб катастрофы в подсобке, Игорек попытался замести следы преступления. Он не нашел ничего лучше, чем щедро, от души облить своим дешевым лосьоном после бритья «Океанский бриз».

Симбиоз получился поистине апокалиптическим. Резкий, спиртовой запах лосьона, обещающий свежесть океана, разбивался о суровую реальность животного пота и жира. Если бы парфюмеры во Франции узнали, как именно Игорь Вернов использует их базовые ноты, они бы подали в международный суд. Моя нежная прованская лаванда пискнула и умерла в страшных муках прямо в коридоре.

- Аля, ты че цирк устраиваешь? - Игорь с грохотом поставил чемодан на пол и набрал полную грудь воздуха для скандала.

- Тихо! - я мгновенно выбросила руку вперед, приложив указательный палец к губам. Мой голос прозвучал как удар хлыста, но на частоте яростного шепота. - Феня спит. Только попробуй разбудить ребенка своими воплями.

Игорек осекся. Генетическая память отца сработала, и он автоматически перешел на громкое, сиплое шипение. Этот формат ссоры придавал происходящему максимальную степень абсурда. Мы стояли в метре друг от друга, вдыхали трупный запах парфюмированного барсука и яростно шипели, как две змеи в террариуме.

- Какой, к черту, ребенок, Аля? Ты зачем мои вещи в коридор выставила? Соседей смешить? - прошипел муж, активно жестикулируя. - Ты вообще в своем уме? Я прихожу с тяжелой смены, а тут чемоданы!

Я скрестила руки на груди, чувствуя, как внутри меня кристаллизуется абсолютный, хирургический холод. Вся та растерянность, что накрыла меня в коровнике, испарилась.

- С тяжелой смены? - прошептала я, выгибая бровь. - Действительно. Кататься на медицинской кушетке под голой бабой - это тяжелый физический труд. Вредное производство. Тебе за это молоко бесплатно давать должны.

- Я тебе русским языком там еще сказал! - Игорь сжал кулаки, его шепот стал еще более сиплым и сдавленным. - Это была процедура! У меня спину стрельнуло так, что я от боли разогнуться не мог. Теленка тянули, радикулит прихватил. Ленка мимо шла, увидела, что я помираю. У нее мазь целебная была. Она мне просто спину растирала! Как медсестра!

- Как голая медсестра в резиновых сапогах, Игорек, - уточнила я протокольным тоном. - Не упускай важные детали. Это существенно меняет анамнез.

- Да потому что жир этот едучий, Алка! - Игорь хлопнул себя по бедрам, искренне не понимая, почему я цепляюсь к таким мелочам. В его глазах читалась праведная мужская обида. Он действительно считал себя жертвой моей истерики. - Халат казенный! Его потом ни один порошок не возьмет, а завхоз с зарплаты вычтет! Баба о государственном имуществе позаботилась, а ты тут трагедию Шекспира разыгрываешь! Выдумала себе измену на ровном месте и мозги мне делаешь!

Я смотрела на него. Внимательно. Долго.

Знаете, что самое страшное? Он не врал. То есть, технически, измена, конечно, была. И кувыркались они там явно не ради спасения его позвонков. Но в своей примитивной, прямолинейной картине мира Игорек искренне верил, что это "не считается". Он же зарплату мне приносит? Приносит. Бачок унитаза на прошлой неделе починил? Починил. Значит, он хороший муж. А то, что Лена-Кикимора решила совместить приятное с полезным прямо на рабочем месте - ну так это издержки производства. Баловство. Физиология. Семья-то тут при чем?

Мой внутренний бухгалтер окончательно свел дебет с кредитом. Итог был неутешительным: предприятие банкрот.

- Игорь, - я произнесла его имя на выдохе, очень тихо, но так веско, что он замертвел глазами. - Бери чемодан. Бери свой океанский бриз. Бери свой радикулит. И катись обратно к государственному имуществу. Или к Бобру. Куда угодно. Я подаю на развод. С этого момента ты здесь не живешь.

Я указала рукой на входную дверь.

И вот тут Игорь перестал шипеть. Он выпрямился, расправил свои широкие плечи старшего скотника, и его лицо приобрело выражение каменного монолита. Включился режим "Хозяин тайги".

- Никуда я не пойду, - отрезал он нормальным голосом, плюнув на конспирацию.

- Тихо! - снова зашипела я, косясь на дверь детской.

- А я сказал, никуда я не пойду! - уже упрямым, низким шепотом повторил муж, нависая надо мной. - Развода она захотела. Ишь, цаца какая. Насмотрелась своих сериалов. Это, Алевтина, общая жилплощадь. Я здесь прописан. Официально! Печать в паспорте стоит.

Он ткнул толстым пальцем в сторону пола.

- Я отсюда ни на шаг не сдвинусь. Я в этой квартире своими руками в девятнадцатом году всю медную проводку поменял! Я розетки сам штробил! А ламинат?

Игорек с благоговением топнул ногой по полу прихожей.

- Я этот ламинат лично укладывал! Тридцать третий класс износостойкости, между прочим! Дуб арктический! Я за него кровные отпускные отдал, по строительным рынкам на горбу таскал, каждую плашку подгонял, чтобы без зазоров. Я тут кровь и пот проливал, а ты меня теперь на улицу с чемоданом? Из-за какой-то глупости с растиранием? Хрен тебе, Алка. Я на своем ламинате стою и стоять буду.

Он скрестил руки на груди, демонстрируя абсолютную, непоколебимую неподвижность. Синдром прописки в терминальной стадии. Человек, который только что предал меня самым грязным и пошлым образом, прикрывался арктическим дубом тридцать третьего класса, как щитом Капитана Америки.

Я медленно опустила руку. Спорить с монолитом было бесполезно. Игорек вцепился в свои квадратные метры мертвой хваткой деревенского собственника. Полицию не вызовешь - он действительно прописан, трезв (если не считать паров лосьона) и не дерется.

- Ладно, - прошептала я абсолютно ровным голосом. - Ламинат так ламинат. Стой здесь.

Я круто развернулась на пятках и направилась в сторону нашей крошечной кладовки. Игорь самодовольно хмыкнул мне в спину. Я прямо спинным мозгом почувствовала, как он победно расслабил плечи, стягивая с себя куртку, уверенный, что жена попсиховала, спустила пар и смирилась. Как обычно. Баба бесится - мужик терпит.

Я открыла дверцу кладовки, где хранились мои принадлежности для хобби. Отодвинула в сторону банки с акриловым лаком Tikkurila, коробки с салфетками для декупажа и наждачную бумагу. На самой нижней полке лежал мой рабочий инструмент.

Я взяла в правую руку моток широкой, плотной строительной изоленды пронзительно-красного цвета. В левую руку лег острый канцелярский нож с выдвижным лезвием.

Когда я вернулась в коридор, Игорь уже стянул ветровку и замер с ней в руках. Увидев меня, он так и остался стоять с приоткрытым ртом.

Я не сказала ни слова. Я подошла к границе, где узкая прихожая расширялась, переходя в небольшой холл. Налево располагалась дверь в совмещенный санузел. Прямо - проход на кухню и дверь в детскую, где спала Феня. Направо - широкая арка, ведущая в зал, ту самую общую гостиную.

Я молча опустила на колени. Прямо на священный арктический дуб Игоря.

Прижала липкий край красной ленты к пластиковому плинтусу возле угла ванной комнаты. Придавила большим пальцем. А затем, не поднимаясь с колен, с силой потянула рулон на себя.

Вжик.

Громкий, трескучий звук отматываемой изоленды разорвал тишину ночной квартиры.

Я ползла поперек коридора, оставляя за собой идеально ровную, непрерывную, кроваво-красную полосу. Эта черта намертво приклеивалась к гладкой поверхности ламината, отсекая арку зала от всей остальной квартиры.

Вжик.

Я доползла до противоположной стены, к шкафчику для обуви. Достала канцелярский нож. Щелкнула пластиковым фиксатором, выпуская лезвие, и резким движением отсекла ленту от рулона.

Красная демаркационная линия легла на пол безупречно. Как на чертеже генерального штаба.

Я поднялась на ноги, отряхнула колени от невидимой пыли и убрала нож в карман домашних брюк. Игорь стоял в трех метрах от меня, на территории прихожей, прижимая к груди скомканную куртку. Мозг механика отчаянно пытался обработать нестандартную визуальную информацию.

- Алевтина... - неуверенно прошептал он, глядя на красную полосу на полу. - Ты че, совсем кукухой поехала на нервной почве? Это че за геометрия?

Я расправила плечи, встала ровно по центру своей стороны от красной линии и посмотрела мужу прямо в глаза. Мой внутренний бухгалтер взял микрофон.

- Раз ты отказываешься покидать территорию согласно устной договоренности, - протокольным, тихим, но звенящим от металла голосом произнесла я, - мы переходим к физическому разделу имущества. Наша квартира имеет площадь сорок два квадратных метра. Классическая советская двушка.

Я плавно обвела рукой пространство справа от него.

- Вот это, - я указала на арку гостиной, - зал. Деятнадцать квадратов, где мы с тобой все эти годы спали на раскладном диване, уступая единственную спальню ребенку. Это теперь твоя суверенная территория. Можешь спать на диване, смотреть футбол и молиться на свой ламинат. Можешь даже барсуков там разводить. Мне плевать.

Затем я жестко ткнула пальцем в пол перед собой.

- А вот это - моя территория. Детская, кухня и санузел. Я переезжаю к Фене, и с этой ночи мы живем там. Мы с тобой больше не муж и жена, Игорек. Мы с тобой - соседи по коммунальной квартире. С этого момента мы находимся в состоянии бракоразводного процесса.

Игорь моргнул, его лицо начало наливаться дурной, багровой краской.

- Да ты... да я на кухню жрать хочу ходить! И в туалет! - прошипел он, делая шаг вперед.

- Транзитный проход в зоны общего пользования - кухню и санузел - разрешен только по необходимости и только в приличном виде, - ледяным тоном оборвала я его. - Если ты пересечешь эту красную линию без официального запроса, или если от тебя еще раз будет так вонять, я клянусь, Игорь, я вылью банку акрилового лака тебе прямо на голову, пока ты спишь. И декупажную салфетку на лоб приклею. С пионами.

Я выдержала паузу, наслаждаясь тем, как меняется его лицо от осознания того, что я абсолютно, кристально серьезна.

- Твой чемодан стоит в прихожей. Забирай его и переходи границу в свою зону, сосед. Завтра утром я подаю заявление в суд.

Не дожидаясь его ответа, не давая ему шанса вставить хотя бы слово в свою защиту, я развернулась на пятках. Спокойным, размеренным шагом я перешагнула красную линию, отделяющую мою новую жизнь от старой.

Я зашла в детскую и бесшумно прикрыла за собой дверь, оставив Игоря топтаться с курткой и чемоданом по ту сторону изоленды, на его собственном, оплаченном кровью и потом арктическом дубе тридцать третьего класса.

Глава 3. Завтрак на минном поле

- Папа, а ты теперь сосед, как дядя Витя алкаш? Ему мама тоже за черточку заходить не разрешает, когда он за солью приходит.

Голос моей пятилетней дочери прозвучал в утренней тишине звонко, по-детски наивно и кристально чисто. Я стояла на нашей крошечной кухне с наполовину выпитой чашкой остывшего растворимого кофе, прислонившись бедром к столешнице, и мысленно аплодировала.

Феня, облаченная в свою любимую фланелевую пижаму с розовыми единорогами, замерла ровно на границе. Ее босой палец с крошечным ноготком задумчиво ковырял липкий край красной строительной изолянтной ленты, которая со вчерашней ночи намертво впечаталась в арктический дуб тридцать третьего класса, разделяя нашу типовую двушку на два суверенных государства.

По ту сторону демаркационной линии, в полумраке нашего бывшего супружеского зала, заворочался бесформенный холм из старых одеял. Холм закричал, издал глухой звук, отдаленно напоминающий брачный зов раненого тюленя, и явил миру помятое лицо Игоря. Мой пока еще законный муж был замотан в пододеяльник в мелкий цветочек с таким тщанием, словно ночью готовился к древнеегипетской мумификации.

- Феня, папа не сосед, - сипло выдал из-за баррикад Игорек, отчаянно пытаясь придать своему голосу отцовскую солидность и утреннюю свежесть. - Папа просто... оптимизирует жилплощадь. По новым государственным стандартам. Для твоего же блага.

Я сделала крошечный глоток горького кофе, чтобы скрыть усмешку. Я мысленно поставила дочери твердую пятерку за неосознанный, но абсолютно виртуозный буллинг отца. Красная линия работала. Мой внутренний сюрреализм окончательно прописался в квартире на законных основаниях. Никаких ночных истерик, никаких валерьяновых капель и слез в подушку. Только сухая бухгалтерия, жесткое зонирование пространства и холодный расчет.

Очевидно, прямолинейный вопрос про дядю Витю-алкаша больно ударил по хрупкому мужскому эго старшего скотника. Игорек понял, что стремительно теряет авторитет в глазах подрастающего поколения. Ему срочно требовалось доказать свою независимость, первобытную силу и тотальное пренебрежение моими геометрическими правилами.

Он кряхтя выпутался из плена пододеяльника. Предстал перед нами в своих лучших серых трениках с отвисшими коленями, которые, судя по всему, злорадно выудил ночью из собранного мной чемодана. В этих самых трениках он обычно сливался с диваном во время трансляций Лиги чемпионов, превращаясь в единый предмет мебели. Тяжело ступая босыми, мозолистыми пятками по ламинату, Игорек двинулся в сторону кухни.

- Транзитная зона открыта исключительно для кратковременного прохода в места общего пользования, - бесстрастно прокомментировала я, не отрываясь от чашки.

Игорь проигнорировал мою реплику. Он пересек красную черту и вторгся на кухню с грацией голодного носорога. Начался агрессивный, показательный перформанс под названием "Свободный мужик добывает себе пропитание".

Он распахнул дверцу нашего старенького "Атланта" так, словно хотел вырвать ее с корнем. Достал внушительный шмат фермерского сала с прожилками, картонную ячейку с десятком яиц от тети Зины и половину вчерашнего батона. Затем с грохотом выудил из нижнего шкафа самую тяжелую, чугунную сковородку. Ту самую антикварную сковородку, доставшуюся мне от бабушки, которую я берегла для блинов по воскресеньям.

Лязг ножа о разделочную доску. Резкий щелчок пьезозажигалки на газовой плите. Громкое, яростное шипение масла.

Игорек с остервенением кромсал сало на толстые, неровные куски и швырял их на раскаленный чугун. Кухня мгновенно наполнилась сизым дымом и густым, тяжелым запахом жарен-

ного животного жира. Видимо, аромата барсука, ввевшегося в его поры, ему на сегодня показалось недостаточно. Мои изящные саше с прованской лавандой, разложенные по полочкам, сдались без боя и трусливо капитулировали перед этой газовой атакой.

Я с холодным, почти антропологическим интересом наблюдала за процессом с края стола. Я, как классическая обманутая жена из дешевых романов, ожидала увидеть сломленного изменника с мешками под глазами, который будет мямлить жалкие оправдания про "бес попутал". А получила гибрид телевизионного повара-экстремала и бабуина, решившего пометить захваченную территорию свежим холестерином.

Раскаленные брызги жира летели во все стороны. Они прицельно били по идеально чистому кафелю кухонного фартука, который я с маниакальным упорством отмывала прошлым вечером. Они оседали на моих аккуратных стеклянных баночках со специями. Я потратила три вечера на прошлой неделе, чтобы украсить эти баночки: вырезала крошечные веточки оливы из декупажных салфеток, аккуратно клеила их на стекло, покрывала финским матовым лаком в два слоя. Теперь по этим нежным лепесткам медленно стекали желтые, мутные капли свиного сала.

- Мама, тут пахнет как в тракторе у дяди Миши, - резюмировала Феня, морща свой кнопочный нос. Она благоразумно забралась с ногами на табуретку, подальше от эпицентра кулинарного взрыва.

Игорь даже не обернулся на голос дочери. Он одним размашистым движением вбил в сковороду пять яиц подряд. Желтки мгновенно растеклись, смешиваясь с подгоревшими шкварками в единую, пугающую взгляд массу. Он не стал заморачиваться с поисками чистой тарелки. Схватив чугунную сковородку за раскаленную ручку, он слегка поморщился от ожога и водрузил ее прямо на обеденный стол. Без деревянной подставки. Прямо на мою любимую ажурную скатерть, купленную на ярмарке в райцентре.

Игорек ел стоя. Шумно, жадно, отламывая огромные куски батона и макая их прямо в шипящее месиво на чугуне. Он демонстративно не смотрел в мою сторону, уставившись в окно. Всем своим видом он отчаянно транслировал в космос простой посыл: смотри, кого ты теряешь, неблагодарная женщина. Я самодостаточен. Я умею добывать огонь, жарить белок и выживать в экстремальных условиях.

Закончив свою первобытную трапезу за три минуты, он выпрямился. Протянул широкую рабочую руку, сорвал с крючка чистое льняное полотенце с вышитыми гладью ласточками - мою личную гордость ручной работы - и грубо, с нажимом вытер им свои блестящие от жира губы.

Сковородка с остатками пригоревшего белка с лязгом полетела в пустую раковину. Сверху приземлился грязный нож, испачкав кран.

- Вообще-то в коммунальных квартирах принято мыть за собой посуду и протирать плиту, - абсолютно ровным голосом сообщила я, глядя на изуродованную термоожогом скатерть и безнадежно перепачканных льняных ласточек.

Игорь остановился ровно на границе красной изоленды. Он медленно обернулся, скрестил мощные руки на груди и выдал с самодовольной, почти победительной ухмылкой:

- Кухня общая, Алевтина. Я свой налог на имущество исправно плачу, квитанции в тумбочке лежат. А уборка - это традиционно по женской части. У нас же теперь разделение труда и независимость. Ты графики на полу чертишь, а я питаюсь.

С этими словами он уверенно перешагнул черту и удалился в свой суверенный зал, плотно прикрыв за собой хлипкую дверь.

Я не стала срываться на крик. Не стала хватать грязную сковородку и швырять ее ему в спину. Мой внутренний бухгалтер просто открыл новую мысленную вкладку в таблице Excel и начал сводить баланс. Ущерб зафиксирован точно: одно испорченное льняное полотенце,

прожженная скатерть, тридцать минут на отмывание плиты. В эту окопную войну можно играть вдвоем, Игорек. Но мои методы будут куда изящнее и смертоноснее куска жареного сала.

Я приготовила Фене ее привычную овсянку с яблоком, помогла ей умыться и отправить в садик с соседкой тетей Валей, которая как раз заходила за внуком. Оставшись в одиночестве, я заперлась в нашей тесной ванной комнате. Мне нужно было собраться на работу.

Включив яркий люминесцентный свет над раковиной, я посмотрела в зеркало. Из амальгамы на меня смотрела женщина с залегшими тенями под глазами от бессонной ночи, слегка побледневшей кожей и очень жесткой, прямой линией губ.

Я достала свою объемную косметичку. Выудила оттуда тяжелый стеклянный тюбик с дорогим тональным кремом.

Утренний макияж после краха всей твоей жизни - это процесс, пугающе похожий на реставрацию старой советской табуретки. Сначала ты берешь наждачную бумагу здравого смысла и сдираешь всё лишнее: иллюзии, надежды, веру в мужскую порядочность. Потом берешь плотную грунтовку и тщательно, слой за слоем, замазываешь все образовавшиеся трещины, душевные сколы и следы времени. Ты создаешь идеальную, ровную, непроницаемую основу, на которую потом можно нанести совершенно любое лицо.

Я методично, почти профессиональными движениями вбивала влажным спонжем тональный крем в кожу. Замазывала синеву от усталости, выравнивала цвет лица, стирала возраст. Никто. Ни один человек в нашем разговорчивом Васюково сегодня не должен увидеть ни единого следа того, что фундамент моей семьи прогнил и рухнул.

Я нарисовала ровные, графичные стрелки, чуть подкрасила ресницы тушью, прошлась персиковыми румянами по скулам. Идеальный, непробиваемый фасад. Никакого отчаяния брошенной жены. Только нордическая стойкость, элегантность и ледяное спокойствие.

Я вышла в коридор, сняла с плечиков строгую, до хруста накрахмаленную белую блузку и застегнула мелкие пуговицы до самого горла. Надела узкую черную юбку-карандаш, которая всегда заставляла меня держать спину идеально ровно, как стальной лом. И только в этот самый момент, застегивая ремешок на наручных часах, до моего воспаленного мозга дошла вся космическая, звенящая ирония предстоящего рабочего дня.

Я опустила руки и тихо, искренне усмехнулась своему отражению в зеркале прихожей.

Сегодня было двадцать пятое число. Священный день закрытия табелей и распределения финансов в сельсовете.

Мне, как главному бухгалтеру местной администрации, сегодня предстоит весь день сидеть в своем светлом кабинете, сводить дебет с кредитом сельского бюджета и подписывать наградные ведомости. Я буду лично оформлять списки на ежеквартальную муниципальную премию передовикам нашего "АгроХолдинга". В том числе - старшему скотнику-механизатору Игорю Вернову.

Но это была лишь половина иронии.

Помимо мужа, мне предстояло рассчитать районную надбавку оператору машинного доения высшей категории Елене Титьковой. Более того, согласно местной программе поддержки сельского хозяйства, я была обязана своими собственными руками перевести этой женщине премию за перевыполнение плана и работу в ночные смены.

Вчера ночью эта крупнокалиберная доярка в новых резиновых сапогах топтала моего мужа на скрипучей дерматиновой кушетке, дышала на него перегаром из барсучьего жира, а сегодня я, как честный налогоплательщик и материально ответственное лицо, выпишу ей за это государственную премию из бюджета.

Что ж. Дебет с кредитом в моей личной семейной жизни явно не сошелся, выдав критическую ошибку системы. Оставалось только пойти на работу и посмотреть, как ровно и красиво

он сойдется в официальной зарплатной ведомости. Я взяла свою кожаную сумку, аккуратно перешагнула через красную изоляцию и вышла из квартиры навстречу новому дню.

Глава 4. Васюковская нейросеть ловит сигнал

Шлеп. Шлеп. Шлеп.

Моя правая рука двигалась с механической безупречностью хорошо настроенного конвейера. Синяя казенная печать сельского совета с сухим, глухим стуком опускалась на плотные белые листы зарплатной ведомости. В моем светлом кабинете пахло свежим тонером для принтера, бумажной пылью и легкой, звенящей безысходностью.

Я сидела за рабочим столом с идеально прямой спиной. Узкая черная юбка-карандаш и накрахмаленная до хруста белая блузка, застегнутая на все пуговицы до самого горла, работали как надежный экзоскелет. Они физически не позволяли мне ссутулиться или растечься жалкой лужицей отчаяния по столешнице. Мой внутренний бухгалтер бесстрастно сканировал столбцы с цифрами, пока мозг бился в истерику от абсолютного сюрреализма происходящего.

Строка сорок два. Вернов Игорь Васильевич, старший скотник-механизатор. Премия за ночные дежурства и переработку.

Шлеп.

Строка пятьдесят восемь. Титкова Елена, оператор машинного доения высшей категории. Районная надбавка за перевыполнение плана и работу в сложных условиях.

Шлеп.

Я немигающим взглядом смотрела на эти две строчки. В официальном документе они располагались на одном листе формата А4 так же близко, как их обладатели прошлой ночью на скрипучей дерматиновой кушетке. Идеальный баланс. Дебет сошелся с кредитом без единой ошибки. Я, Алла Вернова, тридцать девять лет, законная жена, обманутая женщина и главный бухгалтер местной администрации в одном флаконе. Я своими собственными руками, от лица государства, только что выписала муниципальную премию за радикулитные утехи моего мужа и его голой пассивности.

- Алла Николаевна, вы чай ромашковый будете? - в приоткрытую дверь робко заглянула наша молоденькая секретарша Тонечка, сжимая в руках электрический чайник.

От слова «ромашковый» у меня внутри дернулся какой-то оголенный нерв. Я вспомнила лужу остывающего чая на кафельном полу подсобки.

- Нет, Тоня, спасибо. Чай я с сегодняшнего дня не пью, - я аккуратно сложила ведомости в картонную папку с тесемками. - У меня обеденный перерыв. Пойду до магазина прогуляюсь. Мне нужен крепкий, горький кофе.

Выйдя на залитую полуденным солнцем улицу, я привычным жестом поправила ремешок кожаной сумки на плече. Наше Васюково жило своей нормальной, размеренной жизнью. Где-то вдалеке лениво тарахтел совхозный трактор, в воздухе пахло сухой пылью, нагретым асфальтом и цветущей сиренью. Сельпо располагалось всего в ста метрах от здания администрации, и этот короткий путь я проделала ровным, чеканным шагом. Ни один человек в деревне не должен был заметить, что фундамент моей десятилетней семьи прогнил, а квартира разделена красной изолентой.

Но я явно недооценила скорость передачи данных в нашей местности.

Как только я переступила порог магазина, в нос ударил привычный коктейль запахов: хозяйственное мыло, свежий ржаной хлеб и дешевый стиральный порошок. Из-за прилавка тут же вынырнула моя подруга Света. Яркая блондинка с неизменными стразами на ногтях и

вечным ароматом тонких ментоловых сигарет, она даже не стала со мной здороваться. Света молча, мертвой хваткой вцепилась в мой накрахмаленный рукав и буквально втащила меня в тесную складскую подсобку.

Она прикрыла за нами хлипкую фанерную дверь, прислонилась к ней спиной и выкатила на меня глаза размером с юбилейные рубли.

- Алка, скажи мне, что это вранье! - выдохнула она так горячо и трагично, будто мы обсуждали падение метеорита прямо на коровник.

- Смотря о чем ты, Свет, - абсолютно спокойно ответила я, стряхивая невидимую пылинку с манжета.

- Вся деревня с утра гудит! Завхоз Михалыч пришел в подсобку на ферме проверять инвентарь, а там лужа чая, твой металлический термос валяется и кухонное полотенце в красный горошек! И воняет всё это так, будто рота солдат там неделю дохлых барсуков хоронила! - Светка замахала руками, едва не сбив коробку с тушенкой. - Слухи ходят страшные! Одни болтают, что ты ночью прибежала и застучала Игорька! Другие клянутся, что ты Ленку-Кикимору этим самым термосом до полусмерти избила, а Игорек в чем мать родила по картофельному полю от тебя бегал! Аля, ты чего молчишь, как партизан? Тебе валерьянки накапать?

Светка смотрела на меня с искренним, трепетным бабьим сочувствием. Она явно ждала, что я сейчас сползу по мешкам с мукой на грязный линолеум, размажу свои идеальные графичные стрелки слезами и начну протяжно завывать о загубленной молодости.

Но во мне не было слез. Вместо них внутри разливался холодный, кристально чистый азарт антикризисного менеджера. Если сейчас пустить ситуацию на самотек, к вечеру народный фольклор сделает из меня типичную брошенную истеричку-неудачницу, от которой нормальный, работающий мужик сбежал к страстной доярке. Игореk будет ходить гоголем, собирая сочувственные хлопki по плечу от местных мужиков.

Позиция жертвы отменялась. Моему браку требовалась срочная грунтовка общественного мнения перед финальным списанием в утиль.

- Валерьянку оставь до праздников, - я достала из сумочки пудреницу, щелкнула замочком и критически осмотрела свое лицо. Фасад держался безупречно. - Иди на кассу, Света, я сейчас подойду. Мне нужно кое-что сделать.

Оставив ошарашенную подругу в полумраке склада, я вышла из магазина обратно на светлую улицу.

Прямо по курсу, в стратегически идеальном месте - в густой тени раскидистой старой березы - располагалась главная информационная артерия Васюково. Облезлая зеленая лавочка. На ней, подобно двум древнегреческим паркам, плетущим нити судеб, восседали сестры Бородкины. Клавдия и Зинаида. Наша местная бесперебойная «Нейросеть».

Если бы Пентагону нужен был идеальный спутник-шпион, им стоило бы просто запустить этих двух пенсионерок на орбиту. Они знали всё. Они знали, кто купил дешевую водку в долг. Они знали, почему агроном развелся с женой в девяносто пятом. Они безошибочно вычисляли срок беременности по цвету лица покупательниц.

Две баклажановые макушки, напоминающие взрыв на макаронной фабрике, синхронно повернулись в мою сторону. Их глаза, увеличенные толстыми линзами очков, сработали как радары системы раннего обнаружения. Скорости их обработки данных позавидовал бы любой современный провайдер.

Я понимала: если сейчас я пройду мимо с гордо поднятой головой, меня уничтожат. Значит, нужно было самой идти напрямиком в пасть льву.

Я натянула на лицо маску глубокой, тщательно скрываемой женской печали. Слегка опустила плечи, позволив себе выглядеть уставшей, но всепрощающей супругой, и подошла к лавочке. Тяжело опустилась на свободный край деревянной доски.

- Ох, Аллочка... - Зинаида мгновенно подалась вперед, хищно блеснув золотым зубом. - Слыхали мы, слыхали. Беда-то какая в семье приключилась. Игорек-то твой... ай-яй-яй. Как же ты теперь, девонька?

Клавдия согласно закивала, прижимая к необъятной груди целлофановый пакет с пряниками. Они уже предвкушали, как будут смаковать горячие подробности моей драмы с остальными соседками.

- Беда, тетя Зина. Ой, беда, - я понизила голос до доверительного, скорбного шепота, заставив бабок пододвинуться ко мне вплотную. - Только вы не подумайте чего дурного... Никакой там страсти не было у них. Жалко мне его, дурака моего. Сил нет.

Сестры замерли. В их простой деревенской системе координат слова «измена» и «жалко» никак не монтировались в одном предложении.

- А чего ж тогда? - выдохнула Клавдия, забыв про свои пряники.

- Ослаб наш Игорек, - я тяжело вздохнула и посмотрела куда-то вдаль, поверх их баклановых голов, изображая святую мученицу. - Работа на износ, стрессы с этими телятами, экология опять же. Возраст. Сорок два года мужику, а у него... ну, сами понимаете. Всё. Кризис жанра. На полшестого. Заглох мотор.

У Зинаиды медленно отпала челюсть.

- Я ему говорю: Игорюша, поехали в райцентр, к доктору хорошему! Сейчас же всё лечат, таблеточки есть! А он же гордый у меня, мужик всё-таки. Застыдился. Говорит, не поеду позориться перед врачами. И знаете, до чего отчаяние человека довело? - я выдержала идеальную, мхатовскую паузу. - К знахаркам подался! Слышал где-то, что медвежье сало да барсучий жир тазовое кровообращение восстанавливают, если их с силой втирать. Вот и пошел к Ленке-Кикиморе на процедуры, чтоб я не знала и не расстраивалась. От безысходности. Совсем мужик рассудком помутился на фоне своего бессилия.

Я достала из сумки бумажный платочек и аккуратно промокнула абсолютно сухой уголок глаза.

- Так что не измена это, бабоньки. Это тяжелая медицинская трагедия маленького человека.

На лавочке воцарилась звенящая, восхитительная тишина. Бородки судорожно परिवаривали информацию. В их глазах происходила стремительная переоценка ценностей. Роковой мачо и гроза женских сердец Игорек Вернов только что с грохотом рухнул с пьедестала. В одну секунду он превратился в их глазах в унылого, вялого пенсионера, мажущегося вонючим салом ради призрачной надежды на мужскую состоятельность.

Вирус был успешно загружен. Система приняла критические обновления. Я точно знала, что не пройдет и двух часов, как над былой брутальностью старшего скотника будет в голос хихикать вся деревня.

- Ох, батюшки святы... - первой отмерла Клавдия, истово крестясь. - А мы-то грешным делом думали... Импотент, значит. Господи Иисусе. Ну ты держись, Аллочка. Крест это тяжкий для бабы.

- Держусь, тетя Клава. Куда ж деваться, мы в ответе за тех, кого приручили, - я кротко улыбнулась, поднялась с лавочки и одернула черную юбку. - Пойду я. Работы в сельсовете еще много.

Оставив «Нейросеть» срочно перекачивать новые гигабайты сплетен по своим каналам, я развернулась и бодрым шагом направилась обратно в спасительную прохладу сельпо. Моя походка снова стала легкой и пружинистой.

Света переминалась с ноги на ногу за кассовым аппаратом, сгорая от нетерпения.

- Ну что? Кофе-то брать будешь? - спросила она, когда я подошла к прилавку.

- Кофе потом. Слушай меня внимательно, Свет. У тебя под прилавком, я точно знаю, припрятано финское добро для своих, - я перешла на сугубо деловой тон. - Доставай. Мне нужно три банки акрилового лака Tikkurila. Самого стойкого, матового.

Светка удивленно моргнула, но послушно присела и полезла в нижний шкафчик, плотно заставленный коробками с дешевым чаем.

- Еще банку хорошего клея ПВА, - продолжила я диктовать заказ, глядя на витрину. - И вон те плотные многослойные салфетки с верхней полки. Да, те самые. С нежнейшим принтом розовых пионов. Пачки три давай, чтобы наверняка хватило.

Продавщица выставила мое богатство на потертый пластик прилавка. Ее ногти со стразами замерли над штрихкодами.

- Аля, ты в своем уме? - Светка пробила лак и посмотрела на меня с неподдельной тревогой. - У тебя жизнь рушится, муж на чужой бабе скачет, а ты пионы клеить собралась? Нервный срыв на почве стресса?

Я достала из кошелька банковскую карту и решительно приложила ее к терминалу.

- Это не срыв, Светочка. Это долгосрочные инвестиции, - я забрала чек и аккуратно сложила тяжелые банки в пакет. - Инвестиции в реконструкцию чужого эго.

Я пока не знала, к какому именно предмету интерьера приложу свои таланты сегодня вечером. Но мой внутренний бухгалтер уже провел эти траты по статье «Расходы на ведение окопной войны». Игорек решил поиграть со мной в брутального, независимого соседа на общей жилплощади и упиваться своей правотой? Что ж. Значит, совсем скоро его суровый мужской быт захлебнется в розовом французском провансе.

Из кассового аппарата с сухим, механическим треском вылезла короткая бумажная лента чека.

Вжик. Вжик.

Этот звук был пугающе похож на лязг отматываемой красной строительной изоленты. Квартирная война переходила в активную фазу, и я планировала вести ее с максимальным изяществом.

Глава 5. Мужик сказал - мужик сварил борщ (Игорь)

от лица Игоря

- Алка твоя просто бесится с жиру, Игорек, - авторитетно заявил Бобр с той стороны провода. Раздался громкий, сочный хруст. Мой друг и коллега по семейным несчастьям Андрюха сидел на смене в своей складской дежурке и методично уничтожал пачку чипсов с беконом. - Это она тебя на понт берет. Бабы, они же сериалов своих турецких насмотрятся, и давай драму крутить на ровном месте. Изоленту какую-то красную налепила... Детский сад, штаны на лямках. Ты ей просто цветы купи, кулаком по столу стукни, покажи, кто в доме хозяин!

Я зажал телефон между ухом и плечом, продолжая яростно, с остервенением натирать куском мягкой фланели свой любимый ящик для зимней рыбалки. Темно-зеленый, из ударопрочного морозостойкого пластика марки "А-Элита". Вещь надежная, суровая, не чета Алкиным картонкам, обклеенным бумажными салфеточками. Этот ящик прошел со мной три сезона подледного лова, выдерживал минус тридцать и падение с багажника "Нивы".

- Да какие цветы, Андрюха? Окстись, - я сдул невидимую пылинку с алюминиевой застежки и тяжело вздохнул. - Ты бы видел ее лицо. Она ж теперь ходит по квартире, как председатель военного трибунала. Границы мне тут на ламинате чертит. С дочкой с утра через губу разговаривает, будто я не родной отец, а сосед-алкаш. И из-за чего? Из-за того, что Ленка мне спину барсучьим жиром растерла! Ну, разделась баба, так жир же вонючий, едучий, казенную спецовку жалко. Завхоз Михалыч потом всю плешь проест за порчу имущества. Медицинский факт! А Алка из этого трагедию Шекспира раздула.

- Во-во, - поддакнул Бобр, громко шурша упаковкой. Его собственная жена, к слову, регулярно гоняла его по двору мокрым полотенцем заначку искать, но в вопросах чужих браков Бобр считал себя профессором психологии. - Она, Игорек, думает, что ты без нее пропадешь. Уверовала в свою незаменимость. Ждет, что ты зарастешь грязью, с голодухи взвоешь, приползешь на коленях прощения просить и кран чинить. Они всегда так думают. Бабская солидарность у них в подкорке зашита.

Я отложил фланель и посмотрел на красную полосу изоленты, намертво въевшуюся в мой идеальный арктический дуб тридцать третьего класса. Мой ламинат. Мои кровные отпускные за девятнадцатый год. Я эту каждую плашку своими руками подгонял, подложку стелил, чтобы нигде не скрипнуло. А она по нему - изолентой.

- Не на того напала, - усмехнулся я, чувствуя, как внутри просыпается упрямая, первобытная мужская гордость. - Я, Бобр, мужик автономный. Как атомная подлодка Северного флота. Я докажу ей, что нормальный мужик в бабских истериках не нуждается. Она у меня еще сама придет на мою половину добавки просить. Я такой план придумал - закачаешься.

Я сбросил вызов, сунул телефон в карман серых спортивных штанов с вытянутыми коленями и решительно направился в прихожую. План созрел мгновенно, он был четким и неотвратимым, как удар кувалдой по наковальне. Раз Алка объявила окопную войну, я ударю ее по самому больному месту. По ее святой, непробиваемой уверенности в том, что без женской заботы, борщей и стирки мой суровый быт немедленно рухнет.

Я надел ветровку и вышел на улицу.

Днем наш васюковский рынок гудел, как растревоженный улей. Солнце припекало, в воздухе пахло свежим мясом, квашеной капустой из дубовых бочек, прелой зеленью и горячей самсой. Я шел по рядам уверенной походкой свободного человека, специально сделав крюк, чтобы не проходить мимо здания сельсовета, где сейчас Алка сводила свои бумажки. В кармане грели ляжку наличные, а в голове был прописан строгий рецепт идеального, наваристого борща, который меня еще покойная мать варить учила.

Я остановился у мясного павильона, придирчиво осматривая витрину. Мясо для правильного мужского борща должно быть с жирком, на сахарной косточке, чтобы бульон получился плотным, тяжелым, а не этой Алкиной диетической прозрачной водичкой из куриной грудки, от которой через час снова жрать охота.

- Здорово, Семеныч, - кивнул я мяснику. - Рубани-ка мне вон ту грудинку. И чтоб мозговая кость целехонька была.

Пока мясник махал топором, я поймал себя на странной мысли. Местные бабы, проходившие мимо рядов, смотрели на меня как-то не так. Обычно-то васюковские тетки на меня заглядывались с интересом - мужик я видный, сорок два года, плечи в дверь еле пролезают, не пьющий по-черному, руки откуда надо растут. А тут идут мимо, глаза прячут, шепчутся, а некоторые так и вовсе смотрят с какой-то вселенской, тоскливой материнской жалостью.

Я забрал увесистый пакет со свининой и подошел к прилавку тети Нины, нашей главной рыночной зеленщицы.

- Здорово, тетя Нин. Дай-ка мне свеколку потемнее, борщевую, да морковки килограмм. И чеснока головку, самого ядреного, чтоб слезу вышибал.

Тетя Нина, колоритная женщина с необъятной грудью, поверх которой был повязан вылинявший синий фартук, как-то суетливо начала собирать овощи в пакет. Она то и дело бросала на меня быстрые, сочувственные взгляды. А потом ее глаза вдруг опустились куда-то вниз, ровно в район моей ременной пряжки. Она посмотрела туда, тяжело, с глухим надрывом вздохнула и поджала губы.

- Держи, Игорек, - она протянула мне пакет с овощами, а затем вдруг наклонилась, вытащила из-под прилавка огромный, сочный, мясистый зеленый сноп сельдерея и сунула мне прямо в руки, поверх мяса. - Вот, возьми. Бесплатно отдаю. От души.

- Зачем мне столько травы? - опешил я, разглядывая пучок размером с хороший веник. - Я ж не козел, тетя Нин. Я борщ варить буду.

- Бери-бери, касатик, не спорь, - тетя Нина смахнула несуществующую слезу с пухлой щеки. - Тебе сейчас витамины для мужской силушки ой как нужны... Беда-то какая в семье приключилась, Господи Иисусе. Кушай сельдерей, он, говорят, кровоток в тазу гоняет здорово. Глядишь, и наладится всё. Мужик-то ты молодой еще.

Я моргнул. Один раз. Второй. Мозг старшего скотника-механизатора, привыкший к простым и понятным схемам работы карбюратора, дал легкий сбой. Какая еще беда? Какая силушка? Какой тазовый кровоток?

Но тут мое задетое мужское эго быстро нашло всему абсолютно логичное объяснение.

Ну конечно! Бабы на рынке просто чувствуют, что я теперь мужик вольный. Видимо, кто-то из соседей уже разнес, что Алка меня из спальни выперла. Вот тетки и включили свой генетический инстинкт спасательниц. Хотят подкормить брошенного альфа-самца витаминами, заботу проявить, внимание обратить на себя. Инстинкты - великая вещь, против природы не попрут. Смотрят на мою ременную пряжку и фантазируют, голодные.

- Спасибо, тетя Нин! - я гордо приосанился, расправил широкие плечи и покровительственно, с ленинским прищуром подмигнул зеленщице. - Прорвемся! Силушки у меня на троих хватит, не переживай! Еще спляшем!

Оставив позади онемевшую от моей наглости и напора продавщицу, я пошел в сторону дома. Сельдерей гордо торчал из пакета, как зеленый флаг моей новообретенной независимости.

Квартира встретила меня звенящей тишиной. Алка все еще сидела в своем сельсовете, Феня спала в садике на тихом часе. Идеальные тактические условия для кулинарного блиц-крига.

Я снял куртку, демонстративно, с широким размахом перешагнул красную изоляцию и вторгся на территорию кухни.

Здесь всё оставалось ровно в том же виде, в каком я бросил это утром. В раковине сиротливо валялась грязная чугунная сковородка с желтыми потеками от пяти жареных яиц, рядом лежал перепачканный в сале нож, а на спинке стула висело прожженное льняное полотенце с какими-то птичками, над которым Алка так тряслась.

Убирать это я, естественно, не собирался.

Я просто сдвинул грязную посуду в угол мойки, освобождая плацдарм, и работа закипела. Я бросил огромный кусок свинины в самую большую, пятилитровую эмалированную кастрюлю. Вода забурлила, поднимая густую, серую белковую пену, которую я небрежно смахивал металлической шумовкой прямо в раковину, поверх утренней сковородки.

Затем в ход пошла тяжелая артиллерия. Я достал здоровенный нож для рубки мяса и начал кромсать овощи.

Я готовил как творец. Как стихия. Очистки от темной, сахарной свеклы летели широким веером, не всегда попадая в мусорное ведро. Темно-бордовые капли сока падали на светлую столешницу, брызгали на идеально чистый белый кафель кухонного фартука и впитывались в Алкины кружевные салфеточки намертво. Но мне было плевать. Настоящий повар не отвлекается на мелочи уборки.

Снова зашкварчало подсолнечное масло на сковородке - на этот раз я взял блинную. Я бросил туда нарубленный крупными кусками лук и натертую морковь. Кухню мгновенно заволочило сизым, плотным дымом и таким густым, одуряющим, первобытным ароматом жареного мяса, чеснока и специй, что у меня самого живот свело судорогой от голода. Я влил в сковородку томатную пасту и щедро, от души плеснул столового уксуса - для рубинового цвета и ядреной кислинки. Борщ должен быть с характером, чтобы ложка стояла!

Раскаленные брызги томатного жира стреляли во все стороны. Они оседали на Алкиных дурацких стеклянных баночках со специями, которые она три вечера подряд маниакально обклеивала какими-то бледными французскими цветочками, дыша на меня лаком. Пусть знает, что на этой кухне теперь работает мужик, добытчик, а не фея из глянцевого журнала.

Я сгрузил тяжелую жарку в кастрюлю к разомлевшему мясу и капусте, бросил туда крупно нарубленный чеснок, лавровый лист и половину того самого подарочного сельдерея от тети Нины - чисто из принципа. Накрыв крышкой, выключил газ и с наслаждением, полной грудью втянул носом воздух.

Это был не суп. Это было бактериологическое оружие уюта. Багровый, густой, наваристый, с плавающими на поверхности золотистыми островками жира.

Я посмотрел на разгромленную кухню. Свекольные брызги на стенах, липкие от томата ножи, залитая жиром и бульоном стеклокерамическая плита, гора очисток вперемишу с утренними яичными скорлупками в раковине. Уборка - это бабская базовая комплектация. Я мамонта принес, я его приготовил. А с тряпкой бегать - увольте. У нас же теперь разделение труда и независимые государства.

С чувством глубокого морального превосходства я вымыл руки с хозяйственным мылом и вернулся на свою суверенную территорию.

Если кухня была полем боя, то мой зал должен был стать эталоном. Я достал из кладовки швабру с насадкой из микрофибры и принялся натирать свой арктический дуб. Я вымыл полы так, что в них можно было смотреться, как в зеркало заднего вида. Ни единой пылинки. Диван застелен ровно, как по струнке.

Затем я подошел к своему зеленому рыболовному ящику. Протер его влажной тряпкой еще раз, любуясь тем, как блестит пластик. Аккуратно поднял и поставил на самое видное место - прямо возле подлокотника дивана, лицевой стороной к арке коридора. Как памятник. Чтобы Алка, когда зайдет в квартиру и перешагнет свою дурацкую изоленку, сразу видела: здесь живет человек с серьезными мужскими увлечениями. Человек, которому абсолютно не нужны ее розовые слюни, истерики и баночки с лавандой.

Я глянул на настенные часы над телевизором. Половина пятого вечера. Пора было собираться на смену в коровник. Как раз того приболевшего теленка нужно было перевести в дальний бокс, да и масло в тракторе проверить.

Я надел чистую серую футболку, накинул свою рабочую куртку с логотипом "АгроХолдинга". Подошел к красной линии на полу и бросил последний стратегический взгляд на кухню.

Огромная эмалированная кастрюля с борщом гордо стояла на самом краю плиты. Ее даже не нужно было открывать - густой, пряный, чесночно-мясной дух уже полностью оккупировал всю нашу типовую двушку. Он вытеснил все Алкины саше, всю ее сушеную лаванду, весь этот искусственный, неживой запах стерильной чистоты. В квартире пахло жизнью. Пахло сытостью. Пахло настоящим мужиком в доме.

Я мысленно, во всех деталях нарисовал себе картину: часов в шесть Алка придет уставшая из своей администрации. Голодная как волк. Злая на весь белый свет. Зайдет в квартиру, и этот плотный запах просто собьет ее с ног. У нее слюнки потекут быстрее, чем она успеет снять туфли. Она пойдет на кухню. Увидит мой кулинарный шедевр. Потом посмотрит через изоленку и увидит идеальный порядок в моем зале, мой чистый рыболовный ящик.

И всё поймет.

Поймет, какого мужика она потеряла из-за своей глупой гордости. Поймет, что я и без нее прекрасно справляюсь, не деградирую, не спиваюсь. А вот она без моего борща и мужского плеча будет давиться своей пустой овсянкой и одиночеством. Женщин нужно обламывать комфортом.

Я усмехнулся. Мой план был безупречен, как швейцарские часы.

Я вышел в коридор, сунул ноги в кроссовки и щелкнул собачкой замка. Вышел в подъезд, оставив позади запах борща. Холодный, свежий вечерний воздух приятно ударил в лицо, остужая разгоряченную готовкой кожу. Где-то вдалеке заливалась хриплым лаем собака Михалыча.

Я спускался по бетонной лестнице уверенным, тяжелым шагом победителя. Когда я вернусь ночью со смены, красная изоленка наверняка будет уже сорвана, а Алка будет сидеть на кухне, сытая, смиренная и готовая к конструктивному диалогу. Потому что против природы и хорошего куска мяса на кости не попрешь. Мужик сказал - мужик сделал.

Закурив сигарету на крыльце, я уверенным шагом направился в сторону фермы. Смена обещала быть отличной.

Глава 6. Прованские пионы на зимней рыбалке

Биологическое оружие массового поражения, как выяснилось опытным путем, пахнет вовсе не секретными лабораторными химикатами. Оно пахнет чесноком, лавровым листом, убойной дозой столового уксуса, внезапным сельдереем и тяжелым духом наваристой мозговой кости.

Мы с Феней переступили порог нашей квартиры ровно в шесть часов вечера. Я успела забрать дочь из садика, выслушать от воспитательницы подробный отчет о том, что мой ребенок сегодня лепил из пластилина исключительно квадратные сугробы, и морально приготовиться к пустому вечеру. Игорек в это время уже должен был заступить на свою ночную смену в коровнике.

Но его присутствие в квартире было тотальным, густым и абсолютно невыносимым.

Тяжелый, одурающе вкусный дух свежесваренного борща висел в воздухе, намертво вытеснив из прихожей мои элегантные саше с сушеной лавандой. Запах бесцеремонно забирался под мою строгую накрахмаленную блузку, щекотал ноздри и безжалостно бил по пустым желудкам.

Феня, кряхтя, стянула сандалии, потянула носом воздух и задумчиво выдала:

- Мама, а папа теперь повар в тракторной столовой? У дяди Миши в кабине так же пахнет. Вкусно, но как-то жирно.

Я стоически слотнула голодную слюну и прошла на кухню. Внутренний бухгалтер мгновенно включился, оценил масштаб катастрофы и провел инвентаризацию разрушений.

Это был кулинарный Сталинград. На моей идеально чистой стеклокерамической плите красовались желтые, запекшиеся разводы от убежавшего бульона. Белоснежный кафельный фартук был щедро, от души забрызган рубиновыми каплями свекольного сока, словно здесь кого-то жестоко лишили жизни. Мои прозрачные стеклянные баночки со специями, которые я так старательно украшала декупажем на прошлой неделе, покрылись липкой пленкой подсолнечного масла. В раковине громоздилась гора картофельных очисток вперемешку с утренней яичной скорлупой и грязной чугунной сковородкой.

А на самом краю плиты, гордо и монументально, высилась огромная пятикилограммовая эмалированная кастрюля. Из-под приоткрытой крышки выглядывал золотистый жирок.

Мой натренированный мозг антикризисного менеджера сработал безупречно. Я моментально разгадала тактику Игоря. Это был не просто суп. Это был вызов моей женской самооценке. Это был его личный манифест независимости. Муж-монолит решил доказать мне, что он автономная боевая единица. Что он способен добыть мамонта, разделать его и сварить без всяких женских истерик. Он рассчитывал, что я, измотанная после сведения балансов в сельсовете, зайду на кухню, сломаюсь под тяжестью этого первобытного уюта, налью себе тарелочку, съем и тем самым подпишу акт о безоговорочной капитуляции.

- Мам, а мы борщик будем? - Феня потянулась к краю столешницы.

- Нет, Феня. Этот борщик варили не нам, - абсолютно ровным голосом ответила я, доставая из холодильника купленные по дороге магазинные творожники. - Это выставочный образец суровой мужской гордости. Трогать руками запрещено. У нас на ужин сырники со сметаной.

Я разогрела ребенку еду, стараясь дышать исключительно через рот, чтобы не сорваться и не откусить кусок от свежего батона, небрежно брошенного рядом с кастрюлей. Затем быстро пошла переодеваться. Сняла свою броню - узкую юбку-карандаш и белую блузку, которые верой и правдой служили мне экзоскелетом весь рабочий день. Натянула старые, вытянутые

на коленях домашние штаны и просторную серую футболку. Теперь я была готова к боевым действиям.

Отправив сытую дочь в детскую рисовать ее любимых квадратных единорогов, я вернулась в коридор и подошла к демаркационной линии.

Красная строительная изолента намертво вцепилась в ламинат, разделяя нашу жизнь на «до» и «после». Я посмотрела на вражескую территорию.

В зале царил идеальный, пугающий порядок. Арктический дуб тридцать третьего класса был намыт до зеркального блеска. Ни одной пылинки. Раскладной диван, на котором мы спали десять лет, был застелен так ровно, будто Игорек готовился к армейскому смотру.

А в самом центре этой стерильной мужской утопии, ровно возле подлокотника дивана, лицевой стороной к арке коридора стоял Он.

Ящик для зимней рыбалки.

Темно-зеленый, изготовленный из ударопрочного морозостойкого пластика марки «А-Элита». Суровый, угловатый, с мощными блестящими алюминиевыми застежками. Игорек купил его три года назад и гордился им так, словно это был слиток чистого золота. Этот ящик прошел с ним метели, минус тридцать на льду, падение с багажника «Нивы» и литры водки с Бобром. Он был квинтэссенцией мужской брутальности. Сейчас ящик стоял здесь как памятник, громко заявляющий: «Мне не нужны твои розовые сопли и баночки, женщина. У меня есть ледобур, мотыль и свобода».

Я усмехнулась. Достала из оставленного в прихожей пакета три тяжелые банки финского лака Tikkurila, клей ПВА и пачку плотных многослойных салфеток.

Один шаг через границу.

Два шага по арктическому дубу.

Три шага к зеленому пластиковому алтарю.

Я ухватила ящик за широкий брезентовый ремень и волоком перетаскала его через красную изоленту на свою суверенную территорию. Тяжелый пластик издал глухой, протестующий скрежет по ламинату, но сопротивляться был не в силах.

Я расстелила на полу кухни старые газеты, водрузила на них рыбацкую гордость мужа и села рядом по-турецки.

Процесс качественной мести требует хирургической точности и правильной последовательности действий.

Сначала я взяла наждачную бумагу с крупным зерном Р120. Моя рука двигалась жестко и ритмично. Вжик-вжик. Грубый абразив с остервенением впивался в гладкий темно-зеленый пластик, оставляя на нем глубокие, белесые царапины. Вжик-вжик. Я методично, с холодным наслаждением сдирала этот глянцево-маскулинный слой. Точно так же, как Игорек прошлой ночью содрал с меня иллюзию нашего счастливого, непробиваемого брака. Я царапала его раздутое эго, превращая идеальную гладкость в шероховатую, уязвимую поверхность.

Затем в ход пошла густая белая грунтовка. Широкой синтетической кистью я наносила слой за слоем, полностью перекрывая суровый болотный цвет. Ящик исчезал на глазах, превращаясь в чистый, белый холст для моего персонального безумия. Запах акрила смешался на кухне с запахом чесночного борща, создавая совершенно непередаваемый аромат сюрреализма. Чтобы ускорить процесс, я принесла из ванной свой фен и включила его на максимальную мощность, обдувая пластиковые бока горячим воздухом.

Когда грунтовка схватилась, я приступила к самой ювелирной части. Я вскрыла упаковку салфеток. Французский прованс. Нежнейшие, акварельно-розовые пионы с тонкими, салатowymi прожилками листьев и легким орнаментом в виде винтажных вензелей. От одного вида этих цветов любому нормальному рыбаку должно было стать физически плохо.

Я аккуратно отделяла верхний, цветной слой тончайшей бумаги. Прикладывала пионы к белоснежному боку ящика. Окунала плоскую кисть в клей ПВА и легкими, разглаживающими движениями от центра к краям приклеивала цветы к морозостойкому пластику. Ни одной морщинки. Ни одного пузырька воздуха. Я работала как одержимый реставратор, вкладывая в каждый лепесток всю свою нерастраченную нежность и кристально чистую ярость.

Через два часа суровый инвентарь старшего скотника преобразился до неузнаваемости. Он больше не походил на тару для хранения мотыля и замороженных окуней. Теперь это была гигантская, изящная, безумно гламурная шкатулка. С такой можно было смело выходить на променады по Елисейским полям, хранить в ней любовные письма или коллекцию кружевного белья. Но никак не рыболовные крючки.

Чтобы пионы не отвалились при первой же встрече с суровой васюковской зимой, я щедро залила свое творение тремя слоями матового яхтного лака Tikkurila, снова помогая себе горячим феном. Пусть Бобр и остальные мужики на льду подавятся от смеха, глядя на эту невыносимую эстетику.

Ящик остался сохнуть на газетах, а мой внутренний таймер сообщил, что пора переходить к плану «Б». Квартирная война - это комплексное мероприятие, требующее синхронной работы по всем фронтам.

Я встала с пола, размяла затекшую спину и подошла к кухонному шкафчику с бакалеей.

Мой пока еще законный муж имел одну железобетонную привычку. Приходя с ночной смены, он всегда выпивал огромную кружку обжигающе горячего, черного чая. Он заваривал три ложки элитного крупнолистового чая, клал туда ровно три ложки с горкой сахара и пил это приторное варево из своей любимой пузатой кружки с облупившейся надписью «Царь, просто царь».

- Ты просил не делать тебе мозги, Игорек? - тихо прошептала я, открывая дверцу. - Хорошо. Значит, я сделаю тебе чай.

Логистика диверсии должна была быть безупречной, чтобы бухгалтерский баланс сошелся и ни один грамм продуктов не пропал даром.

Я достала жестяную банку с дорогим индийским чаем, массивную деревянную сахарницу, стеклянную банку из-под соли и картонную пачку обычной пищевой соды. И, самое главное, новую пачку мелкой поваренной соли класса «Экстра».

Мои руки двигались четко и выверенно, как на заводском конвейере.

Сначала я высыпала элитный черный чай в банку для соли. Пусть Игорек в следующий раз попробует посолить свой идеальный борщ отборными чайными листьями.

Затем сахар из сахарницы был аккуратно, до последней крупинки, переправлен в коробку из-под соды.

А вот белоснежная, скрипучая соль «Экстра» щедрым водопадом обрушилась в деревянную сахарницу. Я заполнила ее до самых краев. Кристаллик к кристаллику, мелкая, как пудра. Визуально, да еще и при свете нашей тусклой кухонной люстры в два часа ночи, отличить эту соленую смерть от сахара не смог бы даже эксперт-криминалист. Тем более уставший человек с радикулитом, мыслящий прямыми, как рельсы, категориями.

Я смахнула влажной тряпкой случайно просыпавшиеся песчинки соли со столешницы. Спрятала пустые упаковки на самую дальнюю полку. Идеальное преступление.

Я вернулась к ящику. Финский лак схватился намертво, покрыв розовые пионы надежной, непробиваемой броней. От ящика исходило легкое химическое амбре, но запах чеснока и мяса все еще уверенно побеждал в этой битве ароматов.

Я ухватила брезентовый ремень и перетащила гламурную шкатулку обратно на территорию суверенного государства Игоря Вернова. Я поставила ящик ровно на то же самое место, где он стоял до моего вмешательства. Миллиметр в миллиметр, соблюдая идеальную параллель с подлокотником раскладного дивана.

Закончив работу, я вымыла руки с хозяйственным мылом, тщательно оттирая въевшийся клей ПВА от подушечек пальцев. Затем подошла к демаркационной линии и остановилась ровно на своей стороне от красной изолянтной ленты.

Я смотрела на результат своих трудов. На фоне сурового мужского минимализма, на идеально чистом арктическом дубе, возвышался абсолютно чужеродный, кричащий, невыносимо розовый цветочный куб. Он выглядел здесь так же уместно, как балерина в пачке на заседании совета директоров тракторного завода.

Я аккуратно закрыла банку с лаком Tikkurila и спрятала ее в кладовку. Ловушка была готова и расставлена с математической точностью. Оставалось только дожидаться глубокой ночи, когда старший скотник-механизатор вернется со смены, устало скинет куртку и решит испить крепкого, сладкого чайку на фоне своего несломленного эго.

Таймер был запущен. Тик-так, Игорек. Тик-так.

Глава 7. Сахарный чай и крик раненого марала

В старых кирпичных двухэтажках тысяча девятьсот семьдесят восьмого года постройки звук распространяется по своим, совершенно особым законам физики. Если сосед сверху, глуховатый дед Митяй, случайно уронит на линолеум алюминиевую вилку, на первом этаже кажется, что он пробил железобетонное перекрытие тяжелым строительным ломом. А если за тонкой стеной работает телевизор, вы поневоле становитесь дипломированным экспертом в геополитике и участником всех вечерних ток-шоу. Но звук крушения раздутого мужского эго не похож ни на вилку, ни на лом, ни на телевизор. У этого звука абсолютно уникальная, неповторимая частота.

Половина седьмого утра. Я сидела за кухонным столом на своей суверенной территории, одетая в удобный домашний велюровый костюм цвета пыльной розы. С хирургической точностью и олимпийским спокойствием я подпиливала ноготь на указательном пальце правой руки. Феня сидела напротив. Моя пятилетняя дочь болтала ногами в пижамных штанах с квадратными единорогами и ела овсянку, параллельно глядя мультики на планшете. Чтобы не нарушать акустический комфорт моего суверенного государства, дочь благоразумно надела большие наушники.

В коридоре лязгнул замок. Раздались тяжелые шаги, затем глухой, сдвоенный стук скинутых рабочих ботинок об арктический дуб. Воздух в тесной прихожей мгновенно потяжелел, наполнившись легким амбре коровника, машинного масла и суровой усталости старшего скотника. Игорек вернулся с ночной смены.

Я не подняла глаз. Мой внутренний бухгалтер просто открыл нужную вкладку в голове и приготовился фиксировать первую транзакцию этого прекрасного утра.

Игорь, гордо игнорируя факт моего существования, тяжелой поступью первобытного добытчика прошествовал на общую транзитную зону - кухню. Щелкнула пластиковая кнопка электрического чайника. Вода начала закипать, постепенно заглушая его тяжелое, обиженное сопение. Муж потянулся к верхней полке с бакалеей, где у нас испокон веков хранились стратегические запасы.

Мои движения стеклянной пилочкой стали чуть медленнее. Вжик. Вжик.

Я краем глаза наблюдала, как он уверенно берет свою любимую жестяную банку с индийским чаем. Открывает крышку. Хмурится, заглянув внутрь. На столешницу не падает ни единой чайинки. Там зияла абсолютная пустота, потому что весь его элитный крупнолистовой чай со вчерашней ночи переехал в стеклянную банку для соли - дожидаясь, пока муж решит посолить свой идеальный борщ.

Игорь недовольно цыкнул. Бормоча себе под нос что-то нелестное про женскую безалаберность и вечный бардак на полках, он не стал проводить расследование. Муж-монолит просто порывшись в глубине шкафчика, выудил оттуда завалившийся дешевый пакетик обычного разового чая и бросил его в свою огромную кружку с облупившейся надписью «Царь, просто царь». Залил кипятком.

А затем его мощная рука открыла массивную деревянную сахарницу.

Одна. Вторая. Третья ложка. Огромные, с щедрой мужской горкой.

Белоснежная, мелкая, скрипучая поваренная соль класса «Экстра» мягко опустилась на дно кружки, идеально маскируясь под сладкие углеводы.

Игорь взял ложечку и начал размешивать. Дзинь-дзинь-дзинь. Звук металла о дешевый китайский фарфор прозвучал в утренней тишине как похоронный колокол по его триумфальному возвращению домой.

Предвкушая заслуженный отдых после лечения телят, Игорек поднес кружку к губам и сделал огромный, жадный, обжигающий глоток.

Произошло секундное зависание системы. Мозг скотника-механизатора отчаянно пытался обработать критический вкусовой диссонанс. Глаза Игоря медленно, но верно расширялись, пока не стали похожи на два юбилейных рубля.

Пффф-шшш-кххх!

Громкий, булькающий фонтан вырвался из уст васюковского «Царя». Игорь с диким, спазматическим кашлем выплюнул адский гипертонический раствор прямо в раковину, щедро окатив свою же невытую со вчерашнего дня чугунную сковородку с остатками свиного жира.

- Твою же мать! - сипло прохрипел Игорек, судорожно отплевываясь в мойку и хватаясь за горло. - Алка, у нас что с водой?! Опять эти идиоты из водоканала какую-то химию в трубы подмешали?! Пить невозможно, голимая отравка!

Я аккуратно сдула невидимую пыльцу с идеального ногтя, положила пилочку на стол и посмотрела на бывшего мужа взглядом скучающего сотрудника налоговой инспекции.

- Не могу знать, сосед, - абсолютно ровным голосом ответила я. - Я по утрам пью растворимый кофе. А водоканал у нас работает согласно нормативам сельского поселения. Может, у тебя просто вкусовые рецепторы после втирания барсучьего жира сбились? Это известный побочный эффект народной медицины. Аномалии восприятия реальности.

Игорь бросил на меня испепеляющий взгляд покрасневших от недосыпа глаз. Обожженный ядреной солью язык явно мешал ему высказать всё, что он думает о моем кофе, местных коммунальщиках и медицине в целом. Громко, по-медвежьи рыкнув, он с грохотом швырнул кружку прямо в раковину. Кружка чудом не разбилась.

Утреннее чаепитие отменялось. Ему срочно требовалось упасть на свой идеально застеленный диван в зале, укрыться с головой и забыться сном праведника. Он круто развернулся и, чеканя шаг серыми спортивными штанами, пересек границу из красной изолянтной ленты.

Я сложила руки домиком, опершись локтями о стол. Мой внутренний таймер включился. Десять, девять, восемь...

Игорю нужно было ровно три секунды, чтобы пересечь холл и дойти до дивана. И еще две секунды, чтобы опустить уставший взгляд на пол возле подлокотника.

Три. Два. Один.

Звенящую утреннюю тишину васюковской панельки разорвал нечеловеческий, утробный рев. Если бы в наших лесах водились благородные маралы, и одному из них прямо в разгар брачного периода наступили на самое дорогое кованым сапогом, он кричал бы именно так. В этом звуке смешались первобытный ужас, крушение мужского эго и абсолютная, кристально чистая истерика.

- А-а-а-а! Какого хрена?!

Игорек вылетел из зала как ошпаренный. Он резко затормозил ровно у красной демаркационной линии, едва не снеся плечом шкафчик для обуви. Его широкая грудь тяжело вздымалась под застиранной рабочей курткой. Лицо приобрело насыщенный багровый оттенок переспелой борщевой свеклы.

В своих огромных, мозолистых руках старшего скотника он бережно, почти с мистическим ужасом, держал свой рыболовный ящик. Свою святыню из ударопрочного морозостойкого пластика марки «А-Элита».

Только сурового зеленого цвета больше не было видно.

На фоне его небритой, перекошенной физиономии ящик сиял невыносимым, глянцевым гламуром. Три слоя финского матового лака намертво запечатали на его поверхности нежнейшие французские пионы. Аquareльно-розовые лепестки, винтажные вензеля и салатные листики кричали о тонкой душевной организации владельца. Теперь это была гигантская шкапулка для любовных писем мадам де Помпадур, случайно попавшая в загрубевшие руки васюковского механизатора.

- Что это?! - взревел Игорь, в ярости потрясая ящиком в воздухе. Алюминиевые застёжки жалобно, по-девичьи звякнули. - Ты что с моим зимним инвентарем сделала, женщина?! Ты совсем умом тронулась на своих декупажных салфеточках?!

Феня, привлеченная громкими криками, сдвинула один наушник с левого уха. Она повернула голову, задумчиво оглядела багрового отца, сжимающего в руках розовый цветочный куб, и слегка пожала плечами.

- Папа, не кричи, - абсолютно серьезно, своим звонким детским голосом произнесла моя дочь. - С цветочками тебе больше идет. Прямо как клумба у тети Зины.

Она флегматично натянула наушник обратно, возвращаясь к увлекательным приключениям своих мультяшных героев.

Игорь открыл рот, ловя воздух как выброшенный на берег толстолобик. Фраза пятилетнего ребенка пробила его железобетонную броню вернее любого бронебойного снаряда. Он перевел бешеный взгляд на меня, требуя немедленных объяснений этому акту вандализма.

Я неторопливо встала из-за стола. Расправила несуществующие складки на велюровых штанах. Мой внутренний бухгалтер взял в руки воображаемую папку с документами и включил режим председателя жилищной комиссии.

- Не понимаю причины твоей паники, Игорек, - ледяным, протокольным тоном произнесла я, подходя чуть ближе к границе, но оставаясь строго на своей территории. - Согласно Семейному кодексу, всё имущество, нажитое в браке, является совместным. Ящик куплен три года назад из нашего общего бюджета. Значит, ровно пятьдесят процентов этого ударопрочного пластика по закону принадлежат мне.

- И что?! - рявкнул он, всё ещё судорожно прижимая пионы к груди. - Это повод его похабить?! Меня мужики на льду засмеют! Бобр со смеху помрет, когда эту порнографию увидит на подледном лове!

- Это не порнография, Игорь. Порнография - это голая доярка Лена в резиновых сапогах на медицинской кушетке, - сухо парировала я, глядя ему прямо в переносицу. - А это - французский прованс. Высокое искусство. Раз уж мы теперь просто соседи, разделенные красной лентой, я имею полное право облагораживать свою долю имущества. Твой суровый болотный минимализм нарушал энергетику моего суверенного пространства. И портил мне аппетит. Теперь в квартире царит гармония и эстетика.

- Я этот лак наждачкой сдери до основания! - прошипел он, в бессильной злобе ковыряя толстым рабочим ногтем глянцевую поверхность.

- Не советую, - я участливо, по-матерински покачала головой. - Лак финский, яхтный, три слоя. Для лодок делают. Схватился намертво. Будешь сдирать - протрешь пластик до дыр, и твой мотыль зимой замерзнет на ветру. Статья расходов списана, претензии по реконструкции не принимаются. Можешь сказать Бобру, что это новый тренд среди продвинутых рыболовов. Маскировка под кувшинки.

Игорь стоял у красной черты, тяжело дыша. В его глазах читалось жуткое осознание надвигающейся бытовой катастрофы. Интеллектуальную дуэль он проиграл всухую. Оттереть ящик невозможно, чай пить нельзя, родная дочь считает его ходячей клумбой, а жена разговаривает с ним параграфами из Жилищного кодекса. Его примитивная картина мира, где баба

должна поплакать в подушку, постирать его носки и всё простить за принесенную зарплату, рушилась на глазах.

Муж-монолит понял, что лобовая атака полностью захлебнулась. Ему срочно требовалось нанести хоть какой-то урон противнику, чтобы сохранить остатки первобытного мужского самоуважения. Включился режим тактического отступления с максимальной степенью мелочности.

Игорь резко опустил гламурный ящик на пол прихожей. Не говоря больше ни слова, он круто развернулся и чеканя шаг направился в нашу совмещенную ванную комнату.

Я услышала, как скрипнула дверца подвешенного зеркального шкафчика. Зашуршал целлофан.

Через пять секунд Игорек снова появился в коридоре. В его руках больше не было ящика с пионами. В его руках, прижатых к груди мертвой хваткой, находился весь наш стратегический запас туалетной бумаги. Три начатых рулона и абсолютно новая, нераспечатанная упаковка дорогой, мягкой трехслойной бумаги с легким ароматом персика.

Он бросил на меня тяжелый взгляд оскорбленного, но непобежденного полководца, уводящего свои поредевшие войска с вражеской территории.

- Раз мы соседи, Алевтина, - процедил он сквозь зубы, крепче сжимая бумагу, - то расходники в места общего пользования каждый покупает сам. А это я на свои кровные деньги брал на прошлой неделе в сельпо. У меня чеки в бардачке лежат.

С этим гордым заявлением старший скотник пересек границу, унося под мышками персиковые рулоны. Хлипкая дверь зала захлопнулась с такой силой, что в коридоре мигнула тусклая лампочка. Щелкунчик замка сухо лязгнул, намертво отрезая Игоря от внешнего мира и вражеской сантехники.

Я осталась стоять посреди кухни. Никаких слез бессилия, заламывания рук или тяжелых женских вздохов не последовало. Мой внутренний аудитор мгновенно подбил сальдо.

Игорек перешел на язык мелких бытовых диверсий. Туалетное эмбарго - это классика жанра для мужчин, у которых окончательно закончились аргументы. Он искренне верил, что лишив меня средств гигиены, заставит меня поднять белый флаг и приползти к нему с извинениями? Как же это было смешно, жалко и предсказуемо.

Я посмотрела на зияющую пустотой полочку в приоткрытой двери санузла. Затем перевела взгляд на свой мобильный телефон, лежащий на кухонной столешнице рядом с остывшей чашкой.

Если сосед решил играть грязно и переводить конфликт в фазу позиционной войны на истощение, значит, пора выводить боевые действия из узких рамок нашей двушки в публичное поле. Пришло время применять психологическое оружие массового поражения.

Я взяла телефон, разблокировала экран и уверенно пролистала контактную книгу до нужной буквы.

На экране высветилось: «Бородкина Зинаида. Лавочка».

Улыбнувшись своему бледному, но решительному отражению в темном стекле выключенной духовки, я нажала зеленую кнопку вызова. Васюковская нейросеть слишком давно не обновляла свои базы данных, а у меня для них был приготовлен исключительный, эксклюзивный патч.

Глава 8. Чаепитие на линии фронта

Туалетное эмбарго - это всегда признак глубокого, зияющего тактического отчаяния. Когда взрослому, сорокадвухлетнему мужчине нечем крыть интеллектуально, когда его примитивная картина мира трещит по швам и отказывается загружать новые обновления, он гордо уносит в закат рулоны с запахом персика. Утро закончилось соленым чаем и трусливой капитуляцией Игоря в санузел, а вечер обещал стать классической театральной премьерой с элементами психологического триллера. Мой внутренний бухгалтер закончил аудит утренних убытков и со спокойной душой приступил к планированию вечерней пиар-кампании.

Около шести часов вечера вторника я стояла на своей суверенной кухне и занималась тонкой геометрической настройкой пространства. Пятилетняя Феня благоразумно сидела в детской комнате, надежно огражденная от взрослых интриг большими накладными наушниками. Она слушала аудиосказки и с упоением лепила из зеленого пластилина квадратного кота. Мои тылы были прикрыты, ребенок находился в зоне акустической безопасности.

На обеденном столе, который я успела застелить свежей, плотной льняной скатертью взамен безжалостно прожженной Игорем ажурной салфетки, возвышался тяжелый хрустальный графин. В нем густо, рубиново переливалась домашняя вишневая наливка. Ирония этой сервировки заключалась в том, что вишню для наливки мы собирали с дерева, которое Игорек лично посадил на заднем дворе нашей двухэтажки в первый год брака. Дерево выросло кривоватым, вечно болело, требовало ухода, но плоды почему-то давало убойной крепости. Идеальная, стопроцентная метафора наших семейных отношений. Рядом с графином сиротливо, но элегантно ютились три крошечные хрустальные рюмки на тонких ножках и глубокая тарелка с моим фирменным песочным печеньем.

Но главным стратегическим оружием на кухне был не стол. Главным были стулья.

Я выставила три кухонных табурета с мягкой велюровой обивкой по идеальной, математически выверенной линии. Они стояли ровно на границе моей суверенной территории, буквально в миллиметре от кроваво-красной строительной изоляции, намертво впечатанной в арктический дуб тридцать третьего класса. Спинки стульев смотрели на окно, а сиденья были развернуты так, чтобы мои гости смотрели прямо в широкую, ничем не занавешенную арку зала.

В партере всё было готово. Зрители могли занимать свои места.

Я одернула полы своего уютного бежевого кардигана, убедилась в зеркале над раковиной, что выгляжу в меру уставшей, но сохраняющей нордическое достоинство женщиной, и пошла открывать входную дверь. Звонок не заставил себя ждать. Пунктуальность васюковской "Нейросети" всегда заслуживала отдельной премии от министерства связи.

На лестничной клетке стояли сестры Бородкины. Клавдия и Зинаида, облаченные в парадные цветастые кофты из люрекса, напоминали двух тяжелых боевых дронов, прибывших на точку сбора информации. Их одинаковые баклажановые макушки, завитые мелким бесом, синхронно качнулись в знак приветствия.

- Аллочка, девонька наша, - трагическим, бархатным шепотом начала Зинаида, переступая порог и протягивая мне целлофановый пакет с тульскими пряниками. - Мы как на почте дела закончили, так сразу к тебе бегом. Беда-то какая в доме, Господи Иисусе...

- Проходите, тетя Зина, тетя Клава, - я изобразила кроткую, всепонимающую улыбку и плавным жестом пригласила их на кухню. - Я как раз наливочку достала. Для снятия стресса. Нам всем сейчас нужно успокоить нервы.

Сестры шагнули в узкий коридор и мгновенно включили режим сканирования. Их глаза, визуально увеличенные толстыми стеклами советских очков, заработали как тепловизоры. Сначала они зафиксировали красную изоленту на полу. Зинаида удивленно приподняла нарисованную косметическим карандашом бровь, но промолчала, мысленно сделав пометку в своей бездонной базе данных. Затем их взгляды скользнули дальше, за границу, на вражескую территорию зала.

Там, ровно возле подлокотника идеально застеленного дивана, возвышался он. Зимний рыболовный ящик Игоря из ударопрочного пластика марки "А-Элита". Только теперь он сиял невыносимым глянцем трех слоев финского яхтного лака и был щедро усыпан нежными, акварельно-розовыми французскими пионами. На фоне суровых серых обоев и спартанского мужского быта этот гламурный куб выглядел как громкий манифест эстетического безумия. Клавиша тихонько охнула, прижала пухлую руку к груди и быстро перекрестилась.

А на самом диване, намертво вцепившись обеими руками в черный пульт от телевизора, лежал Игорек.

Он проспал весь день после ночной смены и проснулся минут двадцать назад. Я слышала, как он кряхтел, почесывая живот под растянутой серой футболкой, и мысленно собирался совершить марш-бросок в транзитную зону, чтобы утолить жажду. Но звонок в дверь застал его врасплох.

Теперь мой пока еще законный супруг оказался в идеальной, безвыходной тактической ловушке. Чтобы выйти из квартиры, ему нужно было обуться прямо на глазах у главных сплетниц района. Чтобы пойти в туалет или налить воды - ему пришлось бы пересечь красную линию и пройти сквозь строй их жалостливых взглядов в своих обвисших на коленях трениках. Сбежать через балкон второго этажа означало публично признать полное и безоговорочное поражение.

Поэтому муж-монолит выбрал тактику страуса. Он застыл на диване, уставившись в беззвучно работающий телевизор, всем своим мощным телом транслируя отчаянный посыл: "Я вас не вижу, вы меня не видите, я просто крупный, нелепый элемент ламината".

Но Бородкиных такие мелочи никогда не останавливали. Если Нейросеть видела цель, она шла к ней напролом.

Я усадила сестер на заботливо подготовленные стулья. Театральный свет падал безупречно - мы из ярко освещенной кухни прекрасно видели полумрак зала и напряженную, окаменевшую позу старшего скотника, в то время как сами оставались для него расплывчатыми силуэтами.

Я аккуратно плеснула густой рубиновой жидкости в хрустальные рюмки.

- Ну, давайте за здоровье, - тихо, но веско сказала я, присаживаясь напротив них. - Оно нам всем сейчас ох как нужно. Особенно некоторым.

Зинаида залпом опрокинула наливку, шумно выдохнула, промокнула губы бумажной салфеткой и пошла в лобовую атаку. Ее голос был поставлен так профессионально, чтобы его гарантированно слышали даже глухие мыши в подвале нашей панельки, не говоря уже о человеке в пяти метрах от нее.

- Ох, Аллочка... - запричитала она, сверля взглядом застывший профиль Игоря. - Смотрю я на него, и сердце кровью обливается. С виду-то - ну чистый медведь! Плечи во! Кулачищи пудовые! Трактор одним махом заводит. А внутри, оказывается... труха. Заглох моторчик на самом интересном месте. И в сорок два года-то! Какая невосполнимая трагедия для мужика! Хуже, чем ногу потерять, прости Господи!

В зале раздался отчетливый, жалобный скрип. Это Игорек вздрогнул, и старые пружины дивана выдали его с головой. Его массивная шея над воротом серой футболки начала медленно, но верно наливаться дурной, пятнистой багровой краской.

Я опустила глаза на скатерть и тяжело, с мхатовским надрывом вздохнула, подыгрывая аудитории.

- Беречь их надо, тетя Зина. Хрупкие они создания, мужчины наши. Всё от стресса. Коровник новый в "АгроХолдинге" построили, удои повышать надо, начальство требует показателей... Вот организм и дал критический сбой. Экология опять же. Возраст берет свое.

- Какая экология, Аля?! - возмущенно вступила в игру Клавдия, бывшая главная медсестра местной амбулатории. О, она просто обожала ставить медицинские диагнозы в полевых условиях. Ее голос звенел от профессионального негодования и выпитой вишневки. - Простата, девочки, это второе сердце мужика! А если первое бьется, а второе в кому впало - тут экологией не прикроешься! Это кровоток тазовый нарушен! Сосуды забились!

Из-за арки донесся сухой, пластиковый хруст. Игорек с такой силой сжал пульт от телевизора, что китайская пластмасса едва не лопнула в его мозолистых руках. Он не смел повернуться. Он лежал ровно, как покойник на опознании, но по частому, силовому подъему его грудной клетки было ясно: пациент жив и всё прекрасно слышит.

- И я тебе как медик с тридцатилетним стажем скажу, Аллочка, - продолжала вещать Клавдия, пододвигаясь ближе к краю табуретки, чтобы лучше видеть "больного". - Какая же беспросветная дура эта Ленка-Кикимора! Разве ж барсучий жир мертвую плоть поднимет?! Жиром радикулит греют, кашель лечат, а тут микроциркуляцию спасать надо! Это же надо додуматься - вонючим салом такое тонкое, деликатное место натирать! Тут уколы нужны дорогие, массаж простаты профессиональный, аппаратный! А не голая баба в резиновых сапогах верхом! Она ж ему последнее мужское здоровье там отдала своими пудовыми окороками! Окончательно инвалидом парня сделает!

Если бы слова могли оставлять физические ожоги третьей степени, мой бывший муж сейчас превратился бы в дымящуюся горстку пепла. Прямо на своем арктическом дубе.

- Да у нас в Васюково такое сплошь и рядом, - авторитетно подхватила Зинаида, подцепляя песочное печенье. - Вспомните Пашку-агронома в девяносто пятом! Тоже вот так завял мужик в самом соку. Так он хоть с горя пить начал, буянил. А наш-то Игорюша не пьет, он всё в себе держит. Молча страдает. Пошел по знахаркам да по дояркам побираться, лишь бы перед врачами в райцентре штаны не снимать. Гордость мужская, будь она неладна!

Спина Игоря напряглась так, что сквозь тонкую ткань застиранной футболки рельефно проступили бугры мышц. Из зала донеслось тяжелое, почти медвежье сопение загнанного зверя. Он медленно, с колоссальным усилием воли подогнул под себя ноги, словно пытаясь физически съежиться, спрятаться от этих хирургических словесных препарирований. Но спасения не было. Тонкие стены советской панельной двухэтажки превратили нашу квартиру в идеальную акустическую камеру пыток.

Мой внутренний бухгалтер с холодным удовлетворением отмечал, как стремительно, прямо на глазах, обнуляется баланс мужского эго старшего скотника. Каждое слово сестер Бородкиных было длинным, ржавым гвоздем, забиваемым в крышку гроба его незыблемого альфа-статуса. Попытайся он сейчас вскочить с дивана и заорать "Вы всё врете, я гигант, я нормальный мужик!" - это лишь подтвердило бы тот факт, что он подслушивает бабские сплетни и жалко оправдывается. Поэтому железобетонному монолиту оставалось только лежать, глотать унижение и впитывать свою новую, кастрированную социальную роль в деревне.

- А ведь импланты сейчас ставят, - задумчиво протянула Зинаида, глядя на пустую рюмку. - Я в передаче по телевизору видела. Прямо вживляют помпу какую-то силиконовую, кнопку нажимаешь - и мужик снова как молодой. Дорого, правда, страсть как. Машину про-

дать придется. Игорюша-то у нас, небось, на зарплату механика такую роскошь не потянет. Так и будет теперь... с барсуками маяться. Искренне жаль человека. Был мужик - и весь вышел.

- Вы кушайте, кушайте пряники, - мягко сказала я, спасая ситуацию, пока у моего бывшего мужа не случился реальный, полномасштабный инсульт на фоне краха самооценки. - Не будем о грустном. Развелись мы, суд нас скоро разведет официально, и слава богу. Пусть теперь Ленка ему помпы ставит и жир топит. У нас с Феней свои заботы.

Мы просидели за столом еще около полутора часов. Сестры Бородкины, выпив весь графин наливки и досконально обсудив все возможные варианты медикаментозного лечения импотенции в условиях агропромышленного комплекса, наконец начали собираться. Они поднялись со стульев с грацией сытых, полностью удовлетворенных удавов. Их оперативная память была переполнена эксклюзивным контентом, который уже завтра утром начнет транслироваться со скоростью оптоволокна у каждого подъезда и прилавка в Васюково.

Я проводила их в коридор. Зинаида, накинув на широкие плечи цветастую шаль с кистями, остановилась ровно напротив арки зала. Она сложила руки на необъятной груди и громко, с максимальной долей христианского сострадания, прокричала в полумрак:

- Игорюша! Ты там лежи, лежи, не вставай! Сил набирайся, береги себя! Мы завтра с Клавой в церковь пойдем, обязательно тебе сорокоуст за здоровье закажем! И Матронушке помолимся, она в таких делах безнадежных ох как помогает! Держись, касатик! Мы с тобой!

Ответом ей послужил звук, отдаленно напоминающий скрежет зубового кариеса о нержавеющую сталь.

Щелкнул язычок замка. Дверь за Бородкиными закрылась, оставив в узком коридоре легкий запах корвалола, дешевой пудры и абсолютной женской победы.

Я неспешно вернулась на кухню. В квартире повисла звенящая, вязкая тишина. Никакого бодрого Моцарта из динамиков, никакого бормотания телевизора. Только мерное тиканье настенных часов над холодильником. Я аккуратно составила хрустальные рюмки на поднос, чувствуя себя генералом, успешно завершившим зачистку вражеской территории без единого физического выстрела.

В этот самый момент в проеме арки появилась массивная фигура.

Игорек стоял ровно на границе красной изоленды. Он не кричал. В нем не было ни капли той утренней багровой истерики, когда он тряс надо мной гламурным ящиком для рыбалки. Сейчас его лицо было пепельно-серым, осунувшимся, а челюсти сжаты так плотно, что под кожей ходуном ходили острые желваки. В его покрасневших глазах читалась абсолютно первобытная, концентрированная мужская ненависть человека, которого загнали в угол и прилюдно лишили самого дорогого - статуса полноценного самца.

Интеллектуальную дуэль он проиграл всухую. И он это прекрасно понял.

Он стоял молча, тяжело раздувая ноздри, словно бык перед матадором. Затем его взгляд, медленно и очень осознанно, сместился с моего спокойного лица в сторону. Он посмотрел на мою суверенную территорию.

Его глаза остановились на кухонной раковине. На блестящем металлическом смесителе, из которого тонкой, раздражающей струйкой капала вода. Он смотрел на эти трубы долго, пристально, с каким-то абсолютно холодным, пугающим расчетом профессионального механика, оценивающего самое слабое звено в конструкции противника.

Мой внутренний аудитор тревожно мигнул красной лампочкой аварийной системы. Игорек больше не пытался доказать свою независимость наваристыми борщами или жалкой кражей туалетной бумаги. Монолит пошатнулся, треснул и теперь готовился к переходу в стадию грязных, технических диверсий.

Он криво, безрадостно усмехнулся одним уголком губ, развернулся на пятках своих застиранных носков и бесшумно исчез в полумраке зала.

Глава 9. Тайный агент с разводным ключом

В классической бухгалтерии есть пугающее, сугубо профессиональное понятие - «утечка ликвидных активов». Обычно за этими словами стоят сухие цифры в годовом отчете, красные графики и потные лбы аудиторов. Но в моем случае утечка выглядела как бурный, мутный водопад, с оглушительным плеском обрушившийся прямо на мои велюровые домашние тапочки цвета пыльной розы.

Я просто хотела вымыть хрустальные рюмки. Те самые, из которых буквально час назад сестры Бородкины глушили мою домашнюю вишневку, попутно уничтожая остатки мужского достоинства моего пока еще законного супруга. Уложив Феню спать, я вернулась на кухню навести порядок.

Я повернула блестящий вентиль смесителя. Вода бодро ударила в металлическую мойку, закружилась воронкой над сливным отверстием и вместо того, чтобы чинно отправиться в канализацию, ухнула вниз. Прямо мне на ноги.

Отпрыгнув в сторону с грацией испуганной лани, я опустилась на корточки и заглянула в шкафчик под раковиной. Там, между мусорным ведром и бутылкой дорогого геля для мытья полов, зияла абсолютная, сюрреалистичная пустота. Серая пластиковая гофра сиротливо обрывалась в воздухе. Белого, пузатого сифона, который соединял раковину со сливом, просто не было.

Мой внутренний антикризисный менеджер нервно икнул. Мой муж, сорокадвухлетний старший скотник-механизатор, ответил на мой цветочный декупаж инфраструктурным терроризмом. Туалетное эмбарго с персиковыми рулонами было лишь жалкой разминкой. Железобетонный монолит перешел к прямым диверсиям на объектах водоснабжения.

Взяв в руки старую махровую тряпку, я вышла в коридор, оставляя за собой мокрые следы.

В полумраке зала царил идилия. Игорек вальяжно возлежал на своем идеально застеленном диване, закинув руки за голову. Он смотрел какой-то сериал про ментов с выключенным звуком. А на журнальном столике рядом с ним, прямо поверх моей вышитой крестиком льняной салфетки, гордо покоился он. Кухонный сифон.

Мокрый, грязный, источающий легкое амбре застоявшейся мыльной воды и картофельных очисток. Он лежал там как трофей, добытый в неравном бою с бытовой логикой.

- И как это понимать, сосед? - ледяным тоном поинтересовалась я, останавливаясь ровно у красной демаркационной линии. Мои намокшие тапочки противно чавкали.

Игорек неторопливо повернул голову. В его покрасневших глазах плясали мстительные, торжествующие огоньки человека, который наконец-то нащупал болевую точку противника.

- А я решил провести плановое техобслуживание своего имущества, Алла Николаевна, - с явным удовольствием, растягивая слова, произнес он. - Этот сифон я лично покупал в позапрошлом году на строительном рынке. За свои кровные отпускные. Имею полное право мыть и чистить его хоть неделю.

Он покровительственно похлопал толстой ладонью по грязному пластику.

- Жди, пока высохнет. А если ты такая независимая и посуду мыть хочешь - бери ведра и чеши на колонку за угол, как в девяностых. У нас же теперь разделение труда и суверенные территории. На моей территории - плановый ремонт.

Он ждал. Я прямо видела, как напряглись его плечи под вытянутой серой футболкой. Он ждал, что я сейчас расплачусь от бессилия. Что я начну заламывать руки, умолять его вернуть трубу на место, признаю свою женскую слабость и неспособность выжить без его золотых рук.

В этот момент дверь детской приоткрылась. Феня, облаченная в пижаму с квадратными единорогами, шаркая босыми пятками, вышла в коридор. Ребенок захотел попить воды. Она

замерла, переводя задумчивый взгляд с моих мокрых ног на отца. Затем ее глаза сфокусировались на грязном сифоне, возвышающемся на століке.

- Папа, - звонко, с кристальной детской непосредственностью спросила моя пятилетняя дочь, - а зачем ты грязную трубу охраняешь? Тебе без барсуков совсем одиноко стало?

Торжествующая ухмылка сползла с лица Игоря так быстро, словно ее смыло тем самым потоком из моей раковины. Он багрово вспыхнул, открыл рот, чтобы что-то сказать, но только поперхнулся воздухом, издав звук порванного баяна.

Я не стала развивать успех. Молча развернулась, вернулась на кухню и методично, без единой слезинки, вытерла лужу на ламинате. Затем достала телефон и быстро набрала короткое СМС-сообщение своей подруге Свете из селпо. Текст был лаконичным, как шифровка радиста: «Объект перешел к демонтажу сантехники. У меня нет слива на кухне. Я его убью».

Ответ пришел через две минуты: «Никого не убивай. Высылаю спецназ. Жди».

Я не знала, какой именно спецназ может прислать продавщица с ногтями в стразах, поэтому просто села у темного окна, слушая, как Игорек за стеной нервно щелкает пультом от телевизора.

Ровно в половину девятого в нашу входную дверь раздался стук. Не требовательный грохот, каким обычно барабанил Игорек, когда забывал ключи, а сухой, деликатный, технический стук.

Я открыла замок. На лестничной клетке топтался Стас - законный муж моей Светки.

Стас был нашим местным васюковским электриком. Худой, жилистый, вечно пахнущий канифолью и дешевыми сигаретами. В обычной жизни он был человеком-невидимкой, который всегда терялся на фоне своей громогласной, яркой жены. Я видела его в основном на деревенских праздниках, где он молча жевал шашлык в углу и кивал невпопад.

Но сейчас в его глазах читалась суровая решимость агента под прикрытием.

Стас сделал страшные глаза, приложил палец к губам, а затем вдруг набрал в грудь побольше воздуха и рявкнул так густо и официально, что у меня зазвенело в ушах:

- Алла Николаевна! Из ЖЭКа беспокоят! Проверка счетчиков, соседи снизу жалуются на перепады по стояку! Пустите осмотреть коммуникации!

Из зала тут же донесся подозрительный скрип диванных пружин. Игорек наострил уши.

- Проходите, конечно, - громко ответила я, отступая в сторону.

Стас уверенно перешагнул красную изоленту. Оказавшись на моей территории, он плотно прикрыл за собой кухонную дверь. Затем, как профессиональный фокусник, расстегнул свою потертую рабочую куртку. Из-под полы на свет божий появились: новенькая, сверкающая пластиковая гофрированная труба, серая переходная заглушка и массивный разводной ключ.

Он не сказал ни слова. Просто опустился на колени перед открытым шкафчиком под раковиной и включил фонарик на телефоне.

Его руки двигались с невероятной, гипнотической скоростью. Щелк, хрусь, вжик. Стас накручивал резьбу, подгонял уплотнительные кольца и намертво сажал новую гофру прямо на выход из мойки, направляя ее в обход зияющей дыры для сифона прямо в канализационный слив. На всю операцию у него ушло ровно четыре с половиной минуты.

- Проверь, - одними губами шепнул он, поднимаясь с колен и отряхивая штаны.

Я с замиранием сердца повернула вентиль. Вода с радостным шумом рванула вниз. Послышался глухой булькающий звук, и поток идеально, без единой капли на полу, ушел в систему. Прямой слив. Грубо, не по ГОСТу, но абсолютно функционально.

Моя грудная клетка расширилась от невероятного облегчения. Я потянулась к карману кардигана, где лежала дежурная тысяча рублей.

- Стас, я даже не знаю, как тебя отблагодарить... Сколько я должна за материалы и работу?

Он сурово сдвинул брови и жестко, мозолистой ладонью отодвинул мою руку с купюрой. Его лицо, обычно не выражающее ничего, кроме вселенской усталости, сейчас было серьезным и неожиданно жестким.

- Убери, Аля, - его голос прозвучал как тихий, но тяжелый камень, брошенный в воду.
- Светка мне всё рассказала. Ты это... держись.

Он вытер руки о ветошь, которую достал из кармана, и посмотрел мне прямо в глаза.

- Игорек дурака валяет, как пацан сопливый в песочнице. Клоун. Ты не думай, что мы тут все слепые. Нормальные мужики в Васюково над ним в голос ржут. Это скотство с доярками и трубами никто не поддерживает. Мы бабу в обиду не дадим.

У меня внутри что-то дрогнуло. Я всегда думала, что деревня - это монолитное патриархальное общество, где мужики будут стоять друг за друга горой, а во всем всегда виновата жена, которая «не уберегла». Но Стас, этот тихий электрик, прямо сейчас ломал мои стереотипы так же легко, как Игорек ломал мою жизнь.

- Вода у тебя теперь есть, - Стас спрятал разводной ключ обратно под куртку. - Гофра крепкая, давление выдержит. А если этот придурок решит тебе свет на кухне отрубить - звони сразу мне. В любое время. Я приду и ему фазу на диван перекину. Будет скакать по своему ламинату, как на дискотеке.

Он скупно, ободряюще подмигнул мне, развернулся и взялся за ручку двери.

- Счетчики в норме! - пробасил он на всю квартиру, выходя в коридор. - Жалоб нет! Хорошего вечера, Алла Николаевна!

Входная дверь сухо захлопнулась. В квартире снова повисла тишина, нарушаемая только тиканьем настенных часов.

Из зала донеслось довольное, язвительное бормотание Игоря:

- Счетчики они проверяют... Ну-ну. Посуду ты всё равно счетчиками не вымоешь, Алевтина. Сиди теперь, любуйся на сухую раковину!

Я ничего ему не ответила. Мне вообще больше не хотелось с ним разговаривать.

Я подошла к раковине. Спокойно, с наслаждением открыла кран на полную мощность. Вода ударила упругой, шумной струей, разбиваясь о нержавеющую сталь и напрочь заглушая ворчание мужа за стеной. Я взяла губку, капнула на нее моющее средство и начала неторопливо смывать липкий налет с хрустальных рюмок.

Мой внутренний бухгалтер сводил новый баланс, и цифры в нем мне определенно нравились.

Красная строительная изолента, намертво приклеенная к арктическому дубу, никуда не делась. Она по-прежнему делила нашу типовую двушку на два враждующих лагеря. Но только сейчас, стоя под шум льющейся воды, я осознала одну поразительную вещь.

Эта красная черта не была моей тюрьмой. Она не изолировала меня от мира. Она отсекала только одного, конкретного, запутавшегося в своих изменах и мелких обидах человека. А весь остальной мир, с его настоящими мужиками, готовыми прийти на помощь с разводным ключом, остался на моей стороне.

Моя суверенная территория оказалась гораздо больше, чем сорок два квадратных метра. И завтра утром я выйду с нее абсолютно спокойно.

Глава 10. Явление Кикиморы народу

В дешевых турецких сериалах, которые с таким упоением смотрит половина нашего Васюково, любовница - это всегда роковая, ухоженная женщина с идеальной салонной укладкой. Она обычно подстерегает законную, но наскучившую жену где-нибудь на выходе из модного бутика, сверкает бриллиантами, дышит дорогим парфюмом и надменно заявляет: "Он любит меня, просто прими это и уйди с нашей дороги".

Но мы живем не на Босфоре. У нас тут крепкий агропромышленный комплекс с жесткими плановыми показателями по надоям. Поэтому моя личная разлучница поджидала меня на обшарпанном крыльце сельского совета, сверкала золотой коронкой на клыкe и пахла не французскими духами, а силосом, сыростью и дешевым табаком.

Был полдень четверга. Я как раз закрыла бухгалтерскую программу на рабочем компьютере, накинула поверх своего строгого офисного платья легкий бежевый плащ и спустилась по ступенькам, предвкушая покупку свежей хрустящей чиабатты в местной пекарне.

Прямо по курсу, монументально расставив ноги в массивных грязноватых кроссовках, стояла Лена Титькова. Наша местная оператор машинного доения высшей категории. На ней была накинута безразмерная мужская ветровка, из-под которой виднелись те самые хлопковые треники, способные выдержать прямое попадание метеорита. Волосы Кикиморы были стянуты на затылке суровой канцелярской резинкой, а в зубах она меланхолично сжимала дымящуюся сигарету без фильтра.

Площадь перед зданием администрации мгновенно вымерла. Точнее, физически люди никуда не делись, но все дворники, случайные прохожие и курьеры вдруг резко замедлили шаг и превратились в соляные столбы с локаторами. Где-то на невидимой орбите удовлетворенно щелкнули датчики сестер Бородкиных, которые наверняка уже наводили фокус из ближайших кустов. Деревня затаила дыхание, счастливо ожидая классической бабьей драки с выдиранием волос, порванными колготками и криками на всю улицу.

Я остановилась на нижней ступеньке, мысленно проверяя прочность своего внутреннего экзоскелета. Спина идеально прямая, подбородок слегка вздернут, на лице - вежливое недоумение.

- Здравствуй, Лена, - ровным, прохладным тоном поздоровалась я, перехватывая сумочку. - Тебе справку о доходах выписать? Приемные часы вообще-то уже закончились, приходи после обеда.

Кикимора сделала глубокую, жадную затяжку. Сплюнула крошку табака на сухой асфальт и посмотрела на меня с такой вселенской, тяжелой бабьей усталостью, что мой внутренний бухгалтер на секунду завис, не понимая, по какой статье проводить эту эмоцию.

- Алла, забирай своего козла обратно, - хрипло и абсолютно буднично выдала разлучница на всю улицу, разрушая надежды зевак на эпичную битву. - Он мне всю малину испортил.

Мой идеальный фасад дал серьезную трещину. Я ожидала чего угодно: наглых угроз, насмешек, заявлений о великой и чистой любви к моему мужу на сеновале. Но только не настойчивой просьбы оформить возврат по гарантии.

- Прости, что? - я изящно изогнула бровь, стараясь не выдать своего шока.

Лена раздраженно отмахнулась рукой с зажатой в пальцах сигаретой, едва не прожегши мне рукав плаща.

- Да сил моих больше нет слушать это радио "Радонеж"! - взорвалась Кикимора, переходя на повышенные тона. - Приперся он вчера ночью ко мне в подсобку. Прямо посреди смены! Я-то, грешным делом, подумала, что мужик к бабе пришел. Халат сняла, кушетку дерматиновую протерла, приготовилась. А этот... деятель! Уселся на край, ссутулился и давай мне мозг чайной ложкой выедать!

Я сложила руки на груди, чувствуя, как внутри начинает пузыриться совершенно неуместное, истерическое веселье. Васюковский альфа-самец, который дома корчил из себя железобетонного хозяина жизни и откручивал мне трубы назло, потерпел фиаско с сантехникой и побежал жаловаться любовнице?

- И на что же именно жаловался пациент? - участливо уточнила я, чуть подавшись вперед.

- На всё! - рявкнула Лена, взмахнув руками так, что серый пепел полетел во все стороны.

- Сорок минут мне рыдал в жилетку! Сидит на кушетке, соплями хлюпает. "Ой, Ленуся, жена меня гнобит! Ой, Ленуся, она мне чай солью посолила, я чуть не помер!". А потом вообще цирк с конями начался. Достает свой смартфон с разбитым экраном и давай мне фотографии в галерее листать. Смотри, говорит, что эта мегера с моим зимним ящиком сделала! Я смотрю - а там какие-то розовые пионы налеплены. Икебана, прости Господи! И вот сидит здоровый лоб, сорок два года мужику, старший скотник, и скулит, что его теперь Бобр на подледном лове засмеет. Ждал, видимо, что я его по головке гладить буду, слезки утирать и тебя проклинать!

Несколько зевак, стоявших поблизости у доски объявлений, отчаянно закашлялись, пытаясь скрыть смешки. Лена не обращала на них никакого внимания. Ее прорвало, как старую проржавевшую трубу в коровнике.

- Алка, ну ты сама посуди! - она посмотрела на меня почти с женской солидарностью, и это было самым диким в нашей беседе. - Я баба простая. У меня сорок голов скота на смене. Дома куры не кормлены, огород не полот, индюки эти дурные по двору носятся, спасу нет. Мне мужик нужен для здоровья по вторникам и четвергам! Молчаливый, крепкий мужик! Пришел, дело сделал, розетку мне в коридоре починил и ушел. А мне его душевные травмы лечить некогда! У меня сериал "Великолепный век" на паузе стоит! Я на такое не подписывалась.

Картина была настолько жалкой и сюрреалистичной, что я просто не выдержала.

Мой внутренний антикризисный менеджер отключил систему сдерживания. Я начала смеяться. Сначала тихо, прикрывая рот ладонью. А потом всё громче, запрокинув голову. Это был чистый, звенящий, абсолютно освобождающий смех человека, который только что понял, что из-за потери такого сокровища плакать - просто глупо.

Десять лет я маниакально клеила салфетки с французским провансом на этот гнилой пень, пытаясь убедить себя и окружающих, что живу с надежной, нерушимой опорой. А "опора", чуть что, побежала жаловаться голой доярке на испорченные удочки. Муж-монолит оказался настолько душным, мелким и инфантильным, что от него в ужасе сбежала даже абсолютно неприхотливая сельская любовница.

- Ты чего ржешь? - насупилась Лена, подозрительно оглядывая меня с головы до ног.

- Прости, Леночка, - я вытерла пальцем выступившую слезинку в уголке глаза, пытаясь отдышаться и вернуть лицу серьезное выражение. - Просто свожу дебет с кредитом. И знаешь, что я тебе скажу как главный бухгалтер нашего поселения?

Я сделала шаг вперед и посмотрела прямо в ее тяжелые, растерянные глаза.

- Возврат бракованного инвентаря не предусмотрен. Срок гарантийного обслуживания истек десять лет назад, а акт окончательного списания я уже подготовила. Хочешь - сдай его на металлолом. Хочешь - поставь пугалом в свой огород, пусть твоих агрессивных индюков отпугивает. Можешь даже барсучьим жиром его сверху полить для надежной консервации. Но ко мне Игорь Вернов больше не имеет никакого отношения. Это теперь исключительно твоя проблема.

Лена открыла рот, закрыла его, потом грязно, трехэтажно выругалась на каких-то абстрактных городских белоручек.

- Да пошли вы оба! - рявкнула она в сердцах, сминая пустую пачку из-под сигарет. - Припрется сегодня - ведром помойным отхожу так, что забудет, где моя ферма находится! Интеллигенты хреновы, ящики они в цветочек красят, а нормальным бабам потом мучайся с вашими истериками!

Кикимора с силой швырнула окурок прямо на ступеньки и, тяжело чеканя шаг, пошла в сторону автобусной остановки. Зрители, так и не дождавшиеся выданных волос и разорванных блузок, разочарованно начали расходиться по своим делам, перешептываясь. Завтра утром у сестер Бородкиных будет столько нового эксклюзивного материала, что их процессоры могут просто перегреться и сгореть от объема информации.

Я спустилась с крыльца и неторопливо пошла по залитому полуденным солнцем асфальту. Весенний ветер приятно путался в волосах, пахло нагретой дорожной пылью и сладкой выпечкой. Внутри меня разливалась невероятная, звенящая легкость.

Но мой мозг уже автоматически, как швейцарские часы, просчитывал дальнейшие ходы противника. Лена - женщина слова и дела. Если она пообещала огреть Игорька помойным ведром, она это непременно сделает. С чувством, с толком, с расстановкой. И когда мой пока еще законный супруг поймет, что его окончательно отвергли обе женщины, его хрупкое мужское эго взорвется.

Загнанный в угол скотник страшен в своем отчаянии. Лишившись и семьи, и спасительной любовницы, этот диванный полководец неизбежно попытается вернуть себе хоть каплю контроля на единственной доступной ему территории. На своей половине нашей квартиры.

Я поправила ремешок сумки на плече и криво усмехнулась. Похоже, сегодня вечером мне предстоит пережить покушение на самое святое, что есть в любой коммунальной двушке - на мою любимую докторскую колбасу в холодильнике.

Глава 11. Амбарный замок на докторской колбасе

В классической бухгалтерии заморозка активов - это сложный, многоступенчатый процесс. Для этого требуются официальные постановления, синие печати, угрюмые люди в строгих костюмах и куча потраченных нервных клеток. В моей же личной судебной практике заморозка активов выглядела как два метра толстой, заляпанной солидолом цепи от мотоблока, плотно намотанной на наш семейный холодильник «Атлант».

Я стояла посреди кухни прямо в своем любимом бежевом плаще. Мы с Феней буквально пару минут назад переступили порог квартиры. Рабочий четверг наконец-то закончился, дочь была успешно забрана из детского сада, а в моей правой руке уютно шуршал бумажный пакет со свежей, еще теплой чабаттой, которую я купила по дороге домой в местной пекарне. Всю дорогу в моей гудящей от цифр голове зрел идеальный, почти эротический в своей гастрономической простоте план: отрезать толстый, пористый ломоть хлеба, намазать его тонким слоем сливочного масла и водрузить сверху кружочек нежной «Докторской» колбасы.

Но путь к моей колбасе преграждал гигантский, пугающе черный амбарный замок.

Он висел ровно посередине, намертво скрепляя дверцы холодильной и морозильной камер. Наш старенький, мирно гудящий по ночам рефрижератор, заботливо обвешанный дурацкими магнетиками из Анапы и Геленджика, теперь выглядел как сундук Кощея Бессмертного. Ржавые, тяжелые звенья цепи безжалостно царапали белую эмаль, сминая магнитную фотографию улыбающейся Фени на фоне дельфинария. Этот brutальный сельский стимпанк чудовищно диссонировал с моими полупрозрачными занавесками, чистым кафелем и стеклянными баночками в стиле французского прованса. От металла явственно несло машинным маслом, которое нагло перебивало запах моей сушеной лаванды.

По ту сторону красной строительной изоленды, на территории суверенного государства Игоря Вернова, царило абсолютное, густое самодовольство.

Мой пока еще законный супруг валяжно раскинулся на своем идеально застеленном диване. На нем были все те же серые спортивные штаны с вытянутыми коленями - его персональный рыцарский доспех независимости. Он не смотрел телевизор. Он смотрел исключительно на меня, искренне наслаждаясь произведенным эффектом.

- Аппарат куплен три года назад на мою тринадцатую зарплату, Алевтина, - с расстановкой, растягивая гласные, произнес диванный полководец. - Раз мы теперь просто соседи по коммуналке, то и крупная бытовая техника у каждого своя. Я ввожу жесткий режим продовольственной блокады. Захочешь жрать - покупай свой собственный рефрижератор. Или иди питайся к своим сплетницам Бородинским, они тебя наливкой прокормят.

Я медленно моргнула. Мой внутренний антикризисный менеджер пытался переварить этот акт инфраструктурного терроризма. Игорь искренне верил, что нащупал мою ахиллесову пяту. В его патриархальной прошивке женщина без доступа к плите и продуктам автоматически теряла свою базовую функцию, превращаясь в беспомощную единицу. Мой муж, которого сегодня утром морально размазала и выставила за дверь даже абсолютно неприхотливая голая доярка, решил отыгаться на единственном предмете, который не мог дать ему сдачи. На бытовой технике.

Дверь детской тихонько скрипнула. В коридор, шаркая босыми пятками по ламинату, вышла наша пятилетняя дочь. На Фене была ее домашняя футболка и штанишки с квадратными единорогами. Ребенок потирал глаза - после долгого дня в садике она всегда требовала свой законный вечерний персиковый йогурт, прежде чем сесть за раскраски.

Феня остановилась. Ее взгляд сфокусировался на белом пластике, изуродованном ржавым металлом. Девочка подошла ближе и потрогала холодный замок маленьким пальчиком. Дети обладают потрясающей способностью вскрывать абсурд взрослых поступков одним

невинным взглядом. Затем дочь перевела глаза на отца, который тут же попытался придать лицу выражение сурового, но справедливого патриарха, принимающего непопулярные, но важные государственные решения.

- Мама, - звонким, как хрустальный колокольчик, голосом спросила моя дочь в звенящей тишине кухни. - А сосиски теперь в тюрьме?

Я с силой прикусила внутреннюю сторону щеки, чтобы не рассмеяться в голос. Мой внутренний бухгалтер мысленно выписал Фене премию в размере годового бюджета.

- Похоже на то, милая, - абсолютно ровно ответила я, стягивая с плеч плащ и вешая его на крючок в прихожей.

- А за что их посадили? - Феня сделала шаг к красной изоленке, но благоразумно не стала пересекать границу. Она скрестила ручки на груди. - Они плохо себя вели? Или папа просто жадный?

Железобетонный монолит дал ощутимую трещину. Игорек мгновенно побагровел, сливаясь цветом со вчерашним борщом. Одно дело - мстить ненавистной жене, которая пилила его за барсучий жир и клеила цветочки на рыбацкие удочки. И совсем другое - объяснять концепцию строгого режима для вареных колбасных изделий собственному ребенку.

- Феня, это... это временные экономические меры! - сбивчиво начал вещать старший скотник, нервно теребя край серой футболки и пытаясь подобрать слова. - Мама сама виновата! Она... она ящик мой зимний испортила! И трубы откручивать заставляет!

- Тетя Света в магазине говорила, что жадность - это первый признак того, что у мужика дела совсем плохи, - меланхолично резюмировала Феня, цитируя продавщицу из сельпо с точностью хорошего диктофона. - Мам, я тогда просто печенье буду. Без йогурта. Тюремную еду кушать вредно, от нее живот болит.

Поняв, что он с треском проигрывает интеллектуальную дуэль даже дошкольнице, Игорь решил пойти ва-банк. Включился режим максимальной, токсичной мужской мелочности. Он вскочил с дивана, тяжело ступая, подошел к границе и достал из кармана связку ключей. С нарочито громким, театральным лязгом он вставил ключ и открыл свой амбарный замок. Скинул тяжелую цепь, едва не разбив стекло духового шкафа рядом. Распахнул дверцу холодильника.

Мой взгляд упал на освещенные полки. Там сиротливо ютились детские творожки, пакет фермерского молока, десяток яиц и та самая вожделенная мною «Докторская». Но Игорек потянулся не за ними. Он жадно схватил батон дорогой сырокопченой колбасы, которую я лично купила на рынке два дня назад.

Захлопнул дверцу. Снова обмотал холодильник цепью. Злобно щелкнул замком, пряча ключи обратно в карман треников.

Вернувшись на свою суверенную половину, он демонстративно уселся за журнальный столик. Достал откуда-то из-под дивана складной охотничий нож и начал кромсать мою сырокопченую колбасу огромными, неровными кусками. Он жевал громко, смачно, с первобытным вызовом глядя мне прямо в глаза. В каждом движении его челюстей читался примитивный манифест: «Смотри, кто здесь хозяин. Я контролирую ресурсы, я контролирую калории, а значит, я контролирую тебя». Густой запах копченого мяса и специй поплыл по квартире, смешиваясь с запахом солидола.

Я молча сделала Фене сладкий чай в ее любимой кружке с котятками, выдала пачку овсяного печенья из навесного шкафчика и свежий банан, который благоразумно хранился в вазе на столе. Отправила ребенка обратно в детскую, плотно прикрыв дверь, чтобы она не видела и не слышала того, что неизбежно должно было произойти дальше.

А затем я посмотрела на свои руки. На свои ухоженные ногти с идеальным французским маникюром. Я перевела взгляд на стеклянные баночки со специями, которые так старательно

обклеивала тончайшими бумажными пионами. На вышитые крестиком льняные полотенца. На чистую стеклокерамическую плиту.

Внутри меня что-то тихо, но очень отчетливо щелкнуло. Оборвалась последняя, самая тонкая ниточка терпения.

Ирония кончилась. Дипломатия сдохла. Сарказм полностью исчерпал свой дневной лимит.

Я всю жизнь пыталась сглаживать острые углы. Я варила ему наваристые супы на мозговой косточке, стирала его пропахшие навозом рабочие вещи, улыбалась его нелепым шуткам и клеила красивые салфетки на старую, разваливающуюся мебель, чтобы создать иллюзию крепкого домашнего уюта. Я прощала ему невнимание, списывая это на тяжелые смены в коровнике и усталость. Но когда взрослый, сорокадвухлетний мужик объявляет продуктовую войну пятилетнему ребенку только из-за того, что его турнули с дерматиновой кушетки... Это уже не кризис седьмого года брака. Это диагноз, абсолютно несовместимый с моим дальнейшим присутствием на одной территории с этим человеком.

Мой бывший муж не был грозным тираном или суровым хозяином тайги, каким пытался казаться. Он был просто мелким, закомплексованным пакостником. И прямо сейчас этот пакостник дожёвывал мою сырокопченую колбасу.

Нельзя приклеить изящную декупажную салфетку на ржавый амбарный замок. Дорогой финский акриловый лак Tikkurila не берет чугунный идиотизм. Прованс бессилен против цепи от мотоблока. Чтобы бороться с тяжелой сельской металлургией, нужны методы из той же весовой категории. Грубые, физические и абсолютно беспощадные.

Я абсолютно молча подошла к нижнему шкафчику под раковиной. Открыла дверцу. Достала оттуда плотные, ярко-желтые резиновые хозяйственные перчатки. Те самые, с удлиненными манжетами, в которых я обычно отмывала духовку от застарелого нагара перед праздниками. Я методично, палец за пальцем, натянула их на руки, надежно защищая свой идеальный маникюр от грядущих масштабных разрушений.

- Ты чего это удумала? - Игорек перестал жевать. В его сиплом голосе промелькнула легкая, едва уловимая паника человека, который внезапно осознал, что скрипт пошел не по плану. Жена не плакала. Жена не просила пощады, умоляя выдать ей кусочек сыра. Жена надевала резиновую броню.

- Перехожу к демонтажу иллюзий, сосед, - мертвым, лишенным любых эмоций голосом произнесла я, глядя сквозь него.

Не сказав больше ни слова, я развернулась на пятках и вышла из нашей квартиры на слабо освещенную лестничную клетку. Сухо щелкнула собачка замка.

Мой путь лежал на первый этаж, к обшарпанной дерматиновой двери дяди Миши - нашего местного пенсионера-барахольщика, который бережно хранил на своем застекленном балконе инструменты еще с советских времен. В моей гудящей голове билась только одна, кристально четкая и острая, как бритва, мысль.

Если этот монолитный придурок думает, что запер мою гордость в старом «Атланте» вместе с моей докторской колбасой, он катастрофически просчитался. Пришло время пилить. И мне срочно нужна была самая острая ножовка по металлу в этом чертовом Васюково.

Глава 12. Человек с запахом сандала и ножовка

Вжик-скрежет. Вжик-скрежет.

Тупая советская ножовка по металлу с омерзительным, зубодробительным визгом вязла в ржавом звене толстой цепи.

Моя правая рука, затянута в плотную желтую резиновую перчатку с удлиненным манжетом, двигалась чисто механически. Вниз-вверх. Вниз-вверх. На белый, ни в чем не повинный линолеум сыпалась мелкая, колючая металлическая стружка.

Я даже не сняла свой любимый бежевый плащ. Я просто распахнула его, чтобы было удобнее дышать, и теперь его полы комично развевались в такт моим судорожным фрикциям с пилой. Входную дверь я тоже оставила приоткрытой - сил возиться с замком после визита к соседу за инструментом у меня просто не осталось.

Со лба прямо в глаз скатилась едкая капля пота. Я машинально смахнула ее тыльной стороной ладони и только потом поняла, что размазала по лицу густой, черный солидол с перчатки. Теперь я выглядела не как главный бухгалтер сельсовета, а как чумазный механик тракторной бригады в разгар посевной.

- Пилите, Алевтина, пилите, - донесся из-за красной демаркационной линии вальяжный, сытый голос. - Там сталь каленая, еще дедом моим проверенная. Только смотри, французский маникюр свой не обломай, а то Бородкины засмеют.

Я на секунду остановилась, тяжело дыша, и бросила взгляд в полумрак зала. Игорек лежал на диване. Он откусил огромный кусок от моей сырокопченой колбасы, демонстративно, с чавканьем прожевал и запил это великолепие пивом из жестяной банки. Его вытянутые на коленях серые треники пузырились, как паруса надежды на мужское доминирование.

Вжик-скрежет.

Я снова налегла на ножовку. В глазах стояли горячие, злые слезы. Я не плакала, когда узнала об измене. Я не плакала, когда делила квартиру изолентой. Я не проронила ни слезинки, когда он выкрутил трубы под раковиной.

Но сейчас, стоя перед собственным холодильником «Атлант», обмотанным цепью от мотоблока, я находилась на грани самого настоящего, концентрированного нервного срыва. Это было абсолютно унижительное бессилие нормального человека перед непробиваемым, чугунным сельским идиотизмом. Мой муж решил победить меня измором и контролем над калориями, и эта ржавая железяка была памятником его мелочности.

Я давила на полотно ножовки всем весом. Металл скрипел, но не сдавался.

Тук-тук.

Два коротких, уверенных удара костяшками пальцев по косяку приоткрытой входной двери прозвучали не громко, но заставили меня вздрогнуть. Игорек на диване тоже перестал жевать.

- Открыто, - сипло крикнул мой пока еще законный супруг, явно ожидая увидеть своего собутыльника Бобра. - Заходи, Андрюха, у нас тут шоу лесорубов!

Но в коридор шагнул не Бобр.

Пространство нашей тесной, пропахшей чесночным борщом, солидолом и скандалами прихожей внезапно заполнилось запахом дорогого сандала. Чистым, древесным, спокойным ароматом, который казался здесь абсолютно инопланетным.

Я обернулась, все еще сжимая в желтой резиновой руке ножовку.

На пороге стоял Антон Фадеев. Султан. Мой бывший одноклассник, который пятнадцать лет назад уехал в Турцию и теперь вернулся продавать дом покойной матери. На нем была безупречная, чуть помятая льняная рубашка оливкового цвета и темные брюки. В декорациях нашей типовой васюковской двушки, перегородженной красной изолентой, он смотрелся как астронавт, случайно вышедший в открытый космос посреди картофельного поля.

- Добрый вечер, - спокойным, глубоким голосом произнес Антон.

Он скользнул взглядом по мне - по распахнутому плащу, боевым желтым перчаткам, перемазанному солидолом лицу и зажатой пиле. В его глазах не мелькнуло ни насмешки, ни брезгливости. Он просто зафиксировал факт. Затем он перевел взгляд на диван, поверх красной линии.

- Игорь. Я до тебя дозвониться не могу второй день. Зашел забрать деньги за те детали для лодочного мотора. Мы договаривались на среду.

Диванный полководец сломался за секунду. Вся та вальяжность, с которой Игорек только что издевался надо мной, испарилась, как утренняя роса. Одно дело - самоутверждаться за счет уставшей жены с пилой. И совершенно другое - сидеть в застиранных трениках с куском надкусанной колбасы перед по-настоящему статусным, спокойным мужиком, которому ты должен денег.

Игорек суетливо подобрал ноги, уронил колбасу на журнальный столик, попытался вскочить, но запутался в плече.

- Тоха... Здорово, - пробормотал он, краснея гуще борща. - Да я это... замотался на смене. Телята болеют. Деньги есть, конечно, сейчас, я в куртке посмотрю...

Антон его уже не слушал.

Он сделал шаг вперед. Абсолютно спокойно, даже не глянув под ноги, он перешагнул священную красную демаркационную линию из изоленты, полностью игнорируя границы нашего сумасшедшего дома. Подошел ко мне вплотную.

Я замерла, дыша через раз. От него действительно невероятно вкусно пахло свежестью и сандаловым деревом.

- Дай сюда, - тихо сказал он.

Его большие, уверенные руки мягко, но без вариантов на сопротивление забрали у меня советскую ножовку по металлу. Я безвольно опустила руки в желтой резине по швам, чувствуя себя нашкодившим подростком.

Антон не стал пилить цепь. Человек, который занимается реставрацией старой мебели и работает руками, мыслит совершенно иными категориями. Он прищурился, оценивая конструкцию амбарного замка, который Игорек прикрутил к дверце холодильника на саморезы по металлу.

- Грубая работа, - констатировал Султан.

Он вставил толстое полотно ножовки между эмалью холодильника и кустарной петлей замка. Использовал пилу как обычный рычаг. Короткий, мощный, профессиональный физический рывок.

Хрясь!

Дешевые китайские саморезы, не выдержав давления на излом, с противным хрустом вырвались из тонкого пластика и металла дверцы. Тяжелая, заляпанная машинным маслом цепь вместе с амбарным замком с оглушительным грохотом рухнула на кухонный кафель, едва не отбив мне пальцы на ногах.

Продовольственная блокада была прорвана ровно за восемь секунд. Без истерик. Без криков. Без лекций о том, кто в доме хозяин.

В зале повисла мертвая, звенящая тишина. Игорек так и застыл у своего дивана с открытым ртом. Его великий план по усмирению строптивой жены был только что играючи, между делом, помножен на ноль зашедшим за долгом одноклассником. Игорек не посмел издать ни звука.

Я ждала, что сейчас Антон повернется ко мне. Ждала этого классического мужского взгляда сверху вниз, снисходительной улыбки спасителя или дежурного вопроса из серии «У вас тут все в порядке?». Я уже приготовилась оправдываться за свой внешний вид и за этот цирк с изолентой.

Но Антон бросил ножовку на подоконник и отвернулся от холодильника.

Он вообще не смотрел на Игоря. Он не обращал внимания на красную ленту на полу. Его взгляд медленно, цепко, с профессиональным интересом сканировал мою суверенную территорию.

Он рассматривал мои кухонные шкафчики. Вглядывался в стеклянные баночки со специями на полке. Изучал отреставрированный деревянный хлебник. Все те вещи, которые я годами, маниакально, слой за слоем покрывала декупажными салфетками с французским провансом и заливала акриловым лаком. Всю ту искусственную, нарисованную красоту, за которой я прятала убогость нашего быта.

Затем Антон повернулся ко мне. В его светлых, чуть уставших глазах не было ни капли насмешки или жалости.

- У тебя невероятное чувство композиции, - абсолютно серьезно, почти задумчиво произнес он, глядя мне прямо в перемазанное солидолом лицо. - Но зачем ты прячешь такую хорошую основу под дешевым лаком?

Мой внутренний бухгалтер поперхнулся и сбился со счета.

Мысль ударила в голову как электрический разряд. Я смотрела в его глаза и с пугающей, кристальной ясностью понимала: он говорит не о кухонных фасадах. Он говорит не о баночках.

Он сходу, за две минуты, прочитал всю суть моей десятилетней жизни с Игорем. И задал единственный правильный вопрос.

Глава 13. Запах сандала на руинах кухни

- Зачем ты прячешь такую хорошую основу под дешевым лаком? - спросил Султан.

Мой внутренний бухгалтер, привыкший виртуозно сводить сложные балансы нашего сельского бюджета, мгновенно выдал критическую ошибку системы. Я ждала чего угодно. Неловкого покашливания. Дежурного вопроса «Аля, у вас тут все нормально?». Снисходительной мужской усмешки при виде бабы, которая в желтых резиновых перчатках до локтей и распахнутом бежевом плаще пытается перепилить ржавую цепь на холодильнике «Атлант». В конце концов, у меня на лбу и щеке красовалась жирная полоса черного солидола, которую я размазала пять минут назад. Наверняка я сейчас выглядела как механик тракторной бригады в период тяжелой посевной.

Но Антон Фадеев смотрел не на мой солидол. Он смотрел сквозь него. Прямо в суть.

Я перевела взгляд на свои кухонные шкафчики, щедро обклеенные французскими пионами, потом на тяжелую цепь, валяющуюся у моих ног вперемешку с вырванными с мясом китайскими саморезами. Ответить мне было абсолютно нечего. Потому что в этот самый момент, под его спокойным, внимательным взглядом до меня дошло: последние десять лет я только и делала, что маниакально покрывала дешевым лаком абсолютную, беспросветную труху.

Антон не стал дожидаться моих философских излияний. Он не принимал позу спасителя отечества, не выпячивал грудь, как это обожал делать Игорек, когда раз в полгода снисходил до починки сливного бачка. Фадеев просто положил тупую советскую ножовку на подоконник. Затем он абсолютно по-хозяйски открыл дверцу узкого пенала в углу кухни, достал оттуда пластиковый совок и щетку.

- Отойди на шаг, Аля, - его голос звучал ровно и глубоко. - Наступишь на металлическую стружку, испортишь обувь.

Я послушно сделала шаг назад, прижимая к груди бумажный пакет со свежей чабаттой, из-за которой, собственно, и началась эта битва за холодильник.

Мой пока еще законный муж на своей суверенной территории продолжал пребывать в коме. Игорек сидел на идеально застеленном диване, замотавшись в плед поверх своих вытянутых серых треников. Кусок моей сырокопченой колбасы сиротливо застыл в его руке. Великий стратег, диванный полководец, решивший взять непокорную жену измором и контролем над калориями, просто не мог обработать новую вводную. В его примитивную картину мира не укладывалось, что можно решить проблему без мата, дикого крика и трех дней моральной подготовки.

Антон аккуратно смел мелкие, колющие металлические опилки в совок. Выбросил их в мусорное ведро под раковиной. Открыл кран - спасибо нашему электрику Стасу за тайную гофру - и тщательно вымыл руки с мылом.

- У тебя найдется турка и нормальный кофе? - спросил Антон, насухо вытирая руки бумажным полотенцем. - Мне кажется, нам обоим сейчас не помешает доза кофеина.

- Да, - мой голос прозвучал немного хрипло. Я стянула с рук ярко-желтую резиновую броню, бросила перчатки на край мойки и полезла в навесной шкафчик.

Достав медную турку, я выставила на столешницу несколько своих декупажных стеклянных баночек со специями. Антон подошел ближе. От него пахло сандалом. Это был не резкий, сшибающий с ног аромат дешевого лосьона «Океанский бриз», которым Игорек пытался замаскировать запах барсучьего жира. Это был тонкий, древесный, абсолютно чистый запах взрослого, уверенного в себе мужчины. Запах человека, который носит помятую оливковую льняную рубашку так, словно это смокинг на красной ковровой дорожке в Каннах.

Антон сам взял баночки. Он открыл одну, принялся.

- Кардамон. Отлично. Корица тоже есть?

- В банке с лавандовым узором, - тихо ответила я, глядя на его руки.

Он начал варить кофе прямо на моей стеклокерамической плите, которая все еще была покрыта желтыми, запекшимися разводами от утреннего борща Игоря. Я прислонилась спиной к дверце освобожденного холодильника и просто наблюдала. У него были красивые, сильные кисти с короткими ногтями. На подушечках пальцев виднелись крошечные, едва заметные царапины - следы работы с настоящим деревом. Он занимался реставрацией мебели профессионально, сдирая старую краску, чтобы дать вещи новую жизнь. Я же занималась тем, что клеила веселенькие картинки на прессованные опилки, надеясь, что никто не заметит гнили внутри. Какая убийственная, беспощадная метафора.

Густой, терпкий аромат свежесваренной арабики со специями ударил в воздух. Он поплыл по кухне упругой волной, сталкиваясь с запахами машинного масла от цепи и ввевшегося чеснока с вражеской половины. Сандал и кардамон уверенно, как профессиональные захватчики, начали вытеснять из моей квартиры амбре безысходности и суровой сельской тоски.

Именно этот запах, видимо, сработал как нашатырный спирт для старшего скотника.

Игорек громко моргнул. Уронил недоеденную колбасу прямо на журнальный столик. Его лицо, до этого бледное от шока, начало стремительно наливаться дурной, багровой краской. Васюковский альфа-самец осознал масштаб катастрофы: на его территории (ну ладно, в транзитной зоне, но все же!), на глазах у его жены, другой мужчина не просто уничтожил его охранную систему, но и по-хозяйски распоряжается бакалеей.

- Эй! - хрипло рявкнул Игорек, сбрасывая плед и вскакивая с дивана.

Он подлетел к границе, но красную изоленту переступить не решился. Одно дело - гонять по квартире уставшую бухгалтершу, и совершенно другое - качать права перед спокойным, широкоплечим Фадеевым, который даже не смотрел в его сторону.

- Ты че творишь, Тоха?! - голос мужа сорвался на визгливые, пороссячи ноты. - Ты зачем мне имущество портишь?! Ты знаешь, сколько этот замок на строительном рынке стоил?! Это вандализм! Мой холодильник! Я на него свои кровные отпускные потратил! Вызываю полицию! Статья за умышленную порчу!

Я внутренне сжалась, ожидая классической мужской разборки. Схватывания за грудки, криков «пойдем выйдем», взаимных оскорблений с переходом на личности. В нашем Васюково конфликты из-за баб или имущества всегда решались громко, с привлечением соседей, битьем посуды и последующим распитием мировой водки. Феня спала в детской за плотно закрытой дверью, но от таких криков ребенок мог легко проснуться.

Но Антон снял турку с конфорки, даже не вздрогнув от воплей.

- Чашки где? - невозмутимо спросил он у меня.

Я машинально указала на сушилку. Он достал две белые фарфоровые кружки и аккуратно разлил дымящийся, темный напиток. Только после этого он повернулся к Игорю. Фадеев не стал повышать голос. Он смотрел на багрового, трясущегося скотника с тем же выражением, с каким опытный ветеринар смотрит на запутавшуюся в заборе истеричную овцу - без злости, исключительно с констатацией печального факта.

Антон сделал три неспешных шага к демаркационной линии. Игорек инстинктивно отшатнулся назад, споткнувшись босыми пятками о край ковра.

- Твой амбарный замок стоит на рынке от силы рублей пятьсот, Игорь, - ровным, абсолютно ледяным тоном произнес Антон, глядя сверху вниз на хозяина зала. - Вычтешь эту колоссальную сумму из того долга за лодочный мотор, за которым я, собственно, и пришел. Остальные деньги жду на свою карту. Сегодня до вечера.

Антон выдержал идеальную паузу, позволяя финансовой информации усвоиться в чугунной голове.

- И выпей успокоительное. Тебе сейчас нельзя нервничать, сосуды не выдержат.

Султан развернулся, подошел ко мне и протянул чашку с кофе. Его пальцы на долю секунды коснулись моих, и я почувствовала, какие они горячие и уверенные.

- Хорошего вечера, Алла, - он улыбнулся. Нормальной, человеческой улыбкой, без капли снисхождения или наигранного сочувствия. - Подумай над тем, что я сказал про лак.

Он неспешно направился в коридор. Обогнул застывшего столбом Игоря, открыл входную дверь и вышел на лестничную клетку. Сухой щелчок дверного замка прозвучал в тишине нашей двушки как финальный удар гонга в безнадежно проигранном матче.

Игорек остался стоять на своем арктическом дубе тридцать третьего класса. Его широкая грудь тяжело вздымалась. Полководец был разбит. Уничтожен. Смят в лепешку. Его не просто победили - его вообще не восприняли всерьез. Его истерику банально вычли из его же собственного долга и оставили вариться в собственном яду на своей половине.

И естественно, весь этот скопившийся яд немедленно выплеснулся на единственную доступную мишень.

- Ах ты ж дрянь! - взревел муж, яростно брызгая слюной через красную изоленку. - Любовников в дом водишь?! Прямо при живом муже кофе им навариваешь?! Я так и знал, что ты...

Он осекся, поймав мой взгляд.

Я не кричала в ответ. Я не кидалась в него пакетом с чабаттой. Я не оправдывалась, доказывая, что Антон зашел исключительно по делу.

Я стояла возле раскуроченного холодильника, обезображенная черным солидолом на лице, в дурацком бежевом плаще. Я поднесла белую фарфоровую чашку к губам и сделала маленький, осторожный глоток. Кофе был идеальным. Обжигающим, с легкой горчинкой кардамона и сладковатой нотой корицы. Он прокатился по пищеводу, смывая тот колющий ком нервного напряжения, который стоял у меня в гортани последние несколько суток.

Я смотрела на Игоря сквозь легкий пар, поднимающийся от чашки. И вдруг поняла, что Фадеев был абсолютно, кристально прав. Во всем.

Дешевый лак - это не только мои бумажные салфеточки из канцелярского магазина. Дешевый лак - это моя идеальная укладка по утрам, когда внутри всё воет волком. Это мои наваристые борщи для человека, который вытирает об меня ноги и жалеет казенный халат любовницы. Это мои попытки найти логичное оправдание его измене, списать всё на кризис среднего возраста, на усталость, на коварство голы доярки в резиновых сапогах. Я десять лет полировала гнилой, трухлявый пенёк, искренне надеясь, что от моих кулинарных и бытовых стараний он волшебным образом превратится в красное дерево.

- Я тебе устрою продуктовую блокаду! - продолжал надрываться Игорек, отчаянно махая руками в воздухе. Звук его голоса был таким громким, что сестры Бородкины на лавочке у подъезда наверняка уже калибровали свои антенны. - Ты у меня на колонку за водой бегать будешь! Я этот ламинат сейчас вскрою, я проводку обрежу под корень! Ты на помойке жить будешь со своими баночками!

Его голос доносился до меня как сквозь толстое, мутное стекло аквариума. Я смотрела на его дергающееся лицо, на вытянутые коленки спортивных штанов, на его пудовые кулаки, которыми он сейчас с такой отвагой грозил воздуху. И не чувствовала абсолютно ничего. Ни обиды. Ни страха. Ни даже былой женской жалости. Передо мной стоял абсолютно чужой, нелепый, карикатурный персонаж из плохого провинциального анекдота.

Сюрреализм происходящего достиг своей высшей точки, натянулся до предела и лопнул, оставив после себя оглушающую, кристальную ясность.

Я сделала еще один глоток. Медленно опустила чашку на столешницу. Мой внутренний бухгалтер, который все эти годы отчаянно пытался свести дебет с кредитом нашего брака, удовлетворенно закрыл гротеск. Предприятие «Семья Верновых» официально признано банк-

ротом и подлежит немедленной ликвидации. Активов нет. Обязательств больше нет. Осталась только пустая тара.

Я перевела взгляд на свою любимую кухонную табуретку. Ту самую, на которую я угрожала три часа жизни, целую банку клея ПВА и стопку многослойных салфеток с нежнейшим французским принтом. Гладенькая, блестящая, фальшивая до омерзения.

Игорек продолжал что-то орать про свои ущемленные права собственника и испорченные нервы, когда я молча развернулась к нижнему кухонному ящику с инструментами. Мои движения были точными, выверенными и спокойными. Внутри меня просыпалась абсолютно новая, холодная, созидательная энергия. Мне больше не нужна была ножовка по металлу. Металл уже сдался.

Теперь мне срочно требовался острый строительный шпатель и самая большая банка ядреного

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.